

2019

▶ ВЕСТНИК

ЕВРАЗИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ
ОРГАНОВ
КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ

**Конституционное
П Р А В О С У Д И Е**

Вестник
Евразийской ассоциации
органов конституционного контроля

Выпуск 2 (80)
Издается Конституционным Советом
Республики Казахстан
Нур-Султан - 2019

Председатель редакционного совета

ШАПАК Унзила

Член Конституционного Совета Республики Казахстан

Редакционный совет:

ГАРАДЖАЕВ Джейхун

судья Конституционного Суда Азербайджанской Республики

ВОРОНОВИЧ Тадеуш Валентинович

судья Конституционного Суда Республики Беларусь

ТОХЯН Феликс Папинович

судья Конституционного Суда Республики Армения

БОБУКЕЕВА Меергуль Рыскулбековна

судья-секретарь Конституционной палаты Верховного Суда Кыргызской Республики

ДАМДИНСУРЭН Солонго

судья Конституционного Суда Монголии

КОКОТОВ Александр Николаевич

судья Конституционного Суда Российской Федерации

ХОШИМЗОДА Даврон Дододжон

судья Конституционного Суда Республики Таджикистан

ГАФУРОВ Аскаржон Бойисович

заместитель Председателя Конституционного Суда Республики Узбекистан

Содержание

Из практики органов конституционного контроля

Постановления Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики	5
Резюме решений Конституционного Суда Республики Беларусь	24
Постановления Конституционного Суда Республики Армения	30
Нормативные постановления Конституционного Совета Республики Казахстан	48
Обзор решений Конституционной палаты Верховного Суда Кыргызской Республики	60
Постановления Конституционного Суда Российской Федерации	71
Постановление Конституционного Суда Республики Таджикистан	104
Постановления Конституционного Суда Республики Узбекистан	113

**ИЗ ПРАКТИКИ ОРГАНОВ
КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ**

**ИМЕНЕМ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ПЛЕНУМА КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

*О толковании некоторых положений статей 137 и 445.2
Уголовно — процессуального кодекса Азербайджанской Республики*

12 февраля 2015 года

город Баку

Пленум Конституционного Суда Азербайджанской Республики в составе Фархада Абдуллаева (председатель), Соны Салмановой, Судабь Гасановой, Ровшана Исмаилова, Джейхуна Гараджаева (судья — докладчик), Рафаэля Гваладзе, Махира Мурадова, Исы Наджафова и Кямрана Шафиева,

с участием секретаря суда Фераида Алиева,
представителей заинтересованных субъектов — председателя Габалинского районного суда Вахида Садыгова, заведующего сектором Административного законодательства Апарата Милли Меджлиса Азербайджанской Республики Фуада Мамедова,

эксперта — исполняющего обязанности профессора кафедры уголовного процесса юридического факультета Бакинского государственного университета Мидхада Гафарова и независимого эксперта - доктора философии по праву Айдына Юсубова,

специалистов — председателя Уголовной коллегии Верховного Суда Азербайджанской Республики Шахина Юсифова, старшего прокурора — методиста Управления по надзору за исполнением законов в органах внутренних дел в следственной, дознавательской и оперативно — розыскной деятельности Прокуратуры Азербайджанской Республики Муниса Абузерли, заведующего отделом Главного следственного управления Министерства Национальной Безопасности Азербайджанской Республики Махира Гасымова, оперативного уполномоченного Главного управления уголовного розыска Министерства Внутренних дел Азербайджанской Республики Джейхуна Алиева,

в соответствии с частью VI статьи 130 Конституции Азербайджанской Республики рассмотрел в открытом судебном заседании в порядке особого конституционного производства конституционное дело на основании обращения Габалинского районного суда о толковании некоторых положений статей 137 и 445.2 Уголовно — Процессуального Кодекса Азербайджанской Республики.

Заслушав доклад судьи Дж.Гараджаева по делу, выступления представителей заинтересованных субъектов и специалистов, заключения экспертов, изучив и обсудив материалы дела, Пленум Конституционного Суда Азербайджанской Республики

УСТАНОВИЛ:

Габалинский районный суд обратившись в Конституционный Суд Азербайджанской Республики (далее — Конституционный Суд), просил истолковать некоторые положения статей 137 и 445.2 Уголовно — Процессуального Кодекса Азербайджанской Республики (далее — УПК) с целью установления полномочий суда, осуществляющего судебный контроль в отношении материалов, добытых в результате проведенного оперативно — розыскного мероприятия.

В обращении было указано, что в производство Габалинского районного суда в соответствии с требованиями статьи 445.2 УПК из Габалинского районного отделения полиции поступило постановление от 8 июля 2014 года “О проведении оперативно — розыскной деятельности” и два протокола “О проведении осмотра” в связи с оперативно — розыскными мероприятиями проведенными в тот же день на основании этого постановления.

По мнению обратившегося, признание и использование в виде доказательств материалов, добытых в ходе оперативно — розыскной деятельности, допускается лишь при условии, что данные материалы представлены и проверены в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства (статья 137 УПК). А это, согласно статье 445.2 УПК предусматривает не только представление суду постановления о проведении оперативно — розыскного мероприятия, лишь для его информирования, но и полномочие суда по проверке законности соответствующего мероприятия проведенного по материалам, добытым в результате оперативно — розыскного мероприятия. Правила же представления и проверки оперативно — розыскных материалов в уголовно — процессуальном законодательстве не установлены.

Основываясь на отмеченное Габалинский районный суд пришел к выводу о необходимости толкования некоторых положений статей 137 и 445.2 УПК с точки зрения пределов судебного контроля над оперативно — розыскной деятельностью.

В связи с обращением Пленум Конституционного Суда считает необходимым отметить следующее.

Судебно — правовые реформы являются одним из основных направлений реформ, осуществляемых в Азербайджанской Республике в области строительства правового государства. Роль судов особо отмечена в гарантии прав и свобод человека и гражданина, закрепленной

в Конституции Азербайджанской Республики (далее — Конституция), как высшая ценность государства. В правовом государстве ограничение прав человека возможно только на основании закона. Контроль за законностью, пропорциональностью и справедливостью ограничения прав человека осуществляют суды.

Судебный контроль в области уголовно — процессуального законодательства в основном осуществляет свои функциональные обязанности на этапе досудебного производства. Судебный контроль является одной из независимых форм судебной деятельности в рамках уголовного процесса, который служит предупреждению незаконного вмешательства в права и свободы человека и гражданина, восстановлению нарушенных прав в результате деятельности дознавателя, следователя или прокурора, осуществляющего контроль за предварительным расследованием.

Правовое значение судебного контроля устанавливается Конституцией и межгосударственными договорами, стороной которых является Азербайджанская Республика.

Согласно статье 60 Конституции каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Каждый вправе обжаловать в суд решения и действия (или бездействие) государственных органов, должностных лиц.

Разрешение законность ограничения прав и свобод человека и гражданина судами вытекает именно из части VII статья 71 Конституции. Так, согласно данной норме Конституции споры, связанные с нарушением прав и свобод человека и гражданина, разрешаются судами. Каждый должен быть уверен, что, если осуществляется какое — либо законное преследование государственными органами, над этой деятельностью существует контроль со стороны независимого судебного органа.

Наряду с этим, в отдельных конституционных нормах особо отмечается необходимость судебного контроля в ограничении прав и свобод человека. Например, в части II статьи 33 Конституции указывается, что никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц, иначе как в случаях, установленных законом, или на основании судебного решения.

В статье 5 Конвенции “О защите прав человека и основных свобод” (далее — Конвенция) прямо указано на обязательность судебного контроля в гарантии права на свободу и неприкосновенность.

Судебный контроль на этапе досудебного производства является относительно новым институтом в уголовно — процессуальном законодательстве Азербайджанской Республики. В отличие от прокурорского надзора, судебный контроль направлен на предотвращение незаконного вмешательства в права и свободы человека деятельность и

субъектов предварительного расследования на этапе досудебного производства. В то время как прокурорский надзор в целом направлен на проверку соблюдения законности в деятельности органов дознания и оперативно — розыскных органов, судебный контроль носит функцию проверки, того как со стороны субъектов оперативно — розыскной деятельности соблюдается законность, обоснованность, пропорциональность, целесообразность и неотложность ограничения прав и свобод человека.

Согласно Закону Азербайджанской Республики “Об оперативно — розыскной деятельности” от 28 октября 1999 года (далее — Закон “Об оперативно — розыскной деятельности”) несмотря на то, что судебный контроль за оперативно — розыскной деятельностью и отличается от прокурорского надзора тем не менее между ними есть и схожие черты.

В части I статьи 20 Закона “Об оперативно — розыскной деятельности” указывается, что надзор за исполнением законов субъектами оперативно — розыскной деятельности осуществляет Генеральный прокурор Азербайджанской Республики и уполномоченные им прокуроры. Согласно частям IV и V данной статьи сведения об организации, тактике, способах и средствах оперативно — розыскных мероприятий не входят в предмет прокурорского надзора и Генеральный прокурор Азербайджанской Республики и уполномоченные им прокуроры, осуществляющие надзор за оперативно — розыскной деятельностью, должны обеспечить секретность сведений, отраженных в представленных им документах.

Таким образом, несмотря на то, что между судебным контролем и прокурорским надзором наблюдается различие с точки зрения предмета надзора, тем не менее с учетом специфических особенностей оперативно — розыскной деятельности, требования части IV и V статьи 20 Закона “Об оперативно — розыскной деятельности” можно отнести и к деятельности судебного контроля.

Руководствуясь принципом разделения процессуальных функций, суд не обязан полностью осуществлять контроль за исполнением законности в области деятельности субъектов оперативного розыска или предварительного расследования. Так, регистрация сведений о преступлении, постановление о начале предварительного расследования или процессуальные меры, не связанные с ограничением иных прав и свобод человека, не могут являться предметом судебного контроля.

В Постановлении Пленума Конституционного Суда от 5 августа 2009 года “О толкования статьи 449.2.3 Уголовно — Процессуального Кодекса Азербайджанской Республики” было отмечено, что в производстве судебного контроля суд в основном исполняет две обязанности: обеспечение законности отдельных действий, совершаемых органами

и должностными лицами, уполномоченными по уголовному преследованию, и принимаемых ими решений; защита прав и свобод участников уголовного процесса (исключение необоснованного и незаконного ограничения, приостановление нарушения прав и восстановление нарушенных прав).

Таким образом, в отличие от прокурорского надзора, предмет судебного контроля составляет законность и обоснованность решений, принятых органами дознания, следствия и прокуратуры в связи с гарантией прав и свобод человека и гражданина.

Как было отмечено, судебный контроль — относительно новый институт в уголовно — процессуальном законодательстве Азербайджанской Республики. Статья 442.2 УПК, вступившего в силу с 1 сентября 2000 года определяя объект судебного контроля указывает, что в порядке осуществления судебного контроля суд рассматривает следующее: ходатайства и представления по принудительному проведению следственных действий, применению мер процессуального принуждения или проведению оперативно — розыскных мероприятий в связи с сообщениями об ограничении права каждого на свободу, неприкосновенность жилища, личную неприкосновенность, собственность, право на сохранение личной тайны (в том числе тайны семейной жизни, переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений), со сведениями, содержащими государственную, профессиональную или коммерческую тайну, наряду с этим жалобы на процессуальные действия или постановления органа, осуществляющего уголовный процесс.

Вопросы, относящиеся к области судебного контроля, а также правила их осуществления устанавливаются статьями 443 — 454 УПК. Эти статьи предусматривают наличие в уголовном процессе проведения следственного действия в принудительном порядке, применения процессуальной меры принуждения, а также наличия в обязательном порядке судебного контроля в случае проведения оперативно — розыскного мероприятия.

Наряду с этим основания оперативно — розыскной деятельности регулируются Законом “Об оперативно — розыскной деятельности”. Данный Закон предусматривает проведение любого оперативно — розыскного мероприятия, направленного на ограничение конституционных прав и свобод людей лишь на основании решения суда или немедленного информировании суда о данной мере сразу после ее проведения.

Европейский Суд по правам человека (далее — Европейский Суд) в ряде постановлений отмечал необходимость судебного контроля. Так, Европейский Суд в Постановлении от 26 октября 2006 года по делу Худобин против России указал, что необходимо устанавливать ясную и предвидимую процедуру по осуществлению следственных

мероприятий, так же, как и специального контроля, чтобы обеспечить добросовестность действий органов государственной власти и соблюдение должных целей со стороны правоохранительных органов. Идентичная правовая позиция также выражена в Постановлениях Европейского Суда от 6 сентября 1978 года по делу “Класс и другие против Германии”, от 15 июня 1992 года по делу “Люди против Швейцарии”.

Европейский Суд в своих постановлениях указывает, что судебный контроль над оперативно — розыскной деятельностью контролирует предотвращение злоупотребления и соразмерного использования силы. Европейский Суд в Постановлении от 2 сентября 2010 года по делу Узун против Германии отмечает в силу того, что установленный на автомобиле подозреваемых и выполняющий функцию наблюдения GPS (система глобального позиционирования) использовалась под судебным контролем в целях предотвращения готовящегося преступления, осуществлена адекватными и эффективными гарантиями. А это выгодное средство для предотвращения злоупотребления в проведении использованных оперативно — розыскных мероприятий.

Наличие судебного контроля, в первую очередь, означает осуществление контроля за оперативно — розыскной деятельностью беспристрастным органом. Европейский Суд в Постановлении от 28 июня 2007 года по делу “Ассоциация во имя интеграции в Европу и прав человека и Экимидчиева против Болгарии” указал, что поручение органам внутренних дел, непосредственно осуществляющих применение специальных средств, общего надзора за применением секретного наблюдения, в конечном итоге указывает на отсутствие надзора за оперативно — розыскным органом со стороны беспристрастного органа, а это указывает на нарушение требований статьи 8 Конвенции.

В соответствии с законодательством Азербайджанской Республики результаты оперативно — розыскной деятельности, используемые в уголовном процессе, могут быть получены двумя путями:

- 1) в результате мероприятий, проводимых с согласия суда;
- 2) в результате мероприятий, осуществляемых без предварительного согласия суда, но с условием последующего оповещения суда об указанных мерах.

В первом случае, проблема объема (предела) судебного контроля за проведением оперативно — розыскной деятельности в порядке предварительно полученного судебного решения на практике не создает какие — либо споры. Из статьи 446.4 УПК видно, что к ходатайству должны быть приложены материалы, подтверждающие необходимость принудительного проведения следственного действия, применения меры процессуального принуждения или проведения оперативно — розыскного мероприятия. При недостаточности этих материалов

прокурор, осуществляющий процессуальное руководство предварительным расследованием или судья, осуществляющий функции судебного контроля, в праве потребовать их восполнения.

Законодатель для обоснования ходатайства руководителя органа, осуществляющего оперативно — розыскную деятельность, выдвигает ряд требований. Например, в ходатайстве должна быть обоснована необходимость проведения оперативно — розыскного мероприятия, а также указаны какие цели должны быть достигнуты в результате проведения оперативно — розыскного мероприятия и почему нельзя добиться этих результатов другими способами и средствами, на какой срок, в каком месте и каким способом предусмотрено проведение оперативно — розыскного мероприятия и другие важные сведения.

Положения, указанные в ходатайстве органа, осуществляющего оперативно — розыскную деятельность, после обоснования, представляются прокурору. Прокурор, в свою очередь, ознакомившись с материалами о проведении оперативно — розыскных мероприятий, принимает соответствующее постановление, то есть либо выносит обоснованное постановление об отказе защиты ходатайства, либо приложив к ходатайству материалы, подтверждающие необходимость проведения мероприятий, направляет в суд представление для вынесения соответствующего решения.

Таким образом, установленные законодательством полномочия судьи, осуществляющего судебный контроль за мероприятиями, проводимыми с согласия суда, достаточно широки. Во — первых, к ходатайству, выдвинутому с целью получения согласия суда, должны быть приложены материалы, подтверждающие необходимость принудительного проведения следственного действия, применения меры процессуального принуждения или проведения оперативно — розыскного мероприятия. При недостаточности этих материалов, судья вправе требовать их восполнения.

Как видно, при проведении оперативно — розыскных мероприятий, в УПК предусмотрено рассмотрение в судебном порядке материалов об ограничении конституционных прав и свобод каждого относительно личной неприкосновенности, тайны переписки, телефонных переговоров, других сведений, передаваемых почтой, телеграфом и сетями почтовой связи, а также неприкосновенности жилища. В суде создаются условия для обеспечения секретности сведений, указанных в оперативно — розыскных документах, поступивших в порядке судебного контроля.

В соответствии со статьей 448 УПК по результатам судебного заседания, относительно вопросов проведения оперативно — розыскного мероприятия, судья разрешает проведение соответствующего оперативно — розыскного мероприятия либо отказывает в его проведении и принимает по этому поводу обоснованное решение.

Данное решение передается инициатору проведения оперативно-розыскного мероприятия, и представленные материалы возвращаются обратно. В то же время, решение, принятое судом в порядке судебного контроля, должно быть полностью обосновано судьей.

При исследовании запроса Габалинского района суда Пленумом Конституционного Суда было установлено, что после принятия неотложных мер порядок оповещения суда о мерах, проведенных в порядке судебного контроля, на практике применяется по — разному. Причиной этого, в первую очередь, является совершенно формальный подход субъектов, применяющих закон к требованиям нормы. Так, согласно требованиям статьи 445.2 УПК в случаях, предусмотренных в части четвертой статьи 10 Закона “Об оперативно — розыскной деятельности” оперативно — розыскные мероприятия, указанные в статье 445.1 УПК, могут быть проведены без постановления суда по мотивированному постановлению уполномоченного лица органа, осуществляющего оперативно — розыскную деятельность. При этом случае уполномоченное лицо органа, осуществляющего оперативно — розыскную деятельность, после проведения соответствующего мероприятия в течение 48 часов должно представить суду, осуществляющему судебный контроль, и прокурору, осуществляющему процессуальное руководство предварительным расследованием, мотивированное постановление о проведении оперативно — розыскного мероприятия.

Указанная норма УПК требует от органа, проводящего оперативно — розыскное мероприятие, в порядке судебного контроля, в течение 48 часов после проведения соответствующей меры, формально представить суду, осуществляющему судебный контроль лишь мотивированное постановление о проведении оперативно — розыскной меры.

В случае формального подхода к вопросу суд должен вынести соответствующее решение, при этом проверив необходимость проведения оперативно — розыскного мероприятия и проведение ее в соответствии с законом. Копия данного решения отправляется органу, осуществляющему оперативно — розыскную деятельность и прокурору, осуществляющему руководство предварительным следствием. В дальнейшем, при рассмотрении дела по существу, результаты данной оперативной меры рассматриваются в общем порядке. То есть, результаты оперативно — розыскных мероприятий проверяются и оцениваются, как и другие доказательства.

Формальность судебного контроля может уподобить функцию судебного контроля деятельности “пассивной легитимизации”. Всестороннее разъяснение данного термина дано в Постановлении Пленума Конституционного Суда от 19 мая 2014 года “О толковании статьи 2.1 Закона Азербайджанской Республики “О Государственном реестре

недвижимого имущества” и статей 2.2 и 2.2.1 Административного Процессуального Кодекса Азербайджанской Республики”. Однако судом введена специальная процессуальная обязанность относительно контроля на досудебном этапе — обязанность предотвращения незаконного вмешательства в права и свободы человека и гражданина.

Следует учесть, что объект судебного контроля состоит из двух основных элементов: 1) защита конституционных прав и свобод, 2) законность и обоснованность постановлений, принятых органами дознания, следствия и прокуратуры, связанные с защитой данных прав и свобод. Для обеспечения контроля за этими элементами суды должны иметь достаточно полномочий для осуществления функций судебного контроля.

В статье 143.2 УПК отмечается, что дознаватель, следователь, прокурор или суд вправе по ходатайству сторон уголовного процесса или по собственной инициативе в процессе собирания доказательств требовать от физических, юридических и должностных лиц, а также органов, осуществляющих оперативно — розыскную деятельность, представления документов и вещей, имеющих значение для уголовного преследования, а от уполномоченных органов и должностных лиц — проведения проверок и ревизии.

Эти полномочия суда относятся к процессу собирания доказательств. Проведение оперативно — розыскных мероприятий под судебным контролем дает основание использования результатов данной меры в качестве доказательства в уголовно — процессуальном порядке. Таким образом, в целях обеспечения эффективного и объективного использования доказательств суды в дальнейшем на досудебном этапе должны быть полномочны для широкого и всестороннего осуществления функции судебного контроля.

Пленум Конституционного Суда считает, что судья при осуществлении на досудебном этапе судебного контроля обладает следующими полномочиями:

— разрешать проведение оперативно — розыскного мероприятия и удовлетворять или отклонять ходатайство, выдвинутое в связи с проведением мероприятия;

— продлевать срок действия постановления о законном ограничении конституционных прав и свобод лица;

— истребовать дополнительные материалы об основаниях проведения оперативно — розыскных мероприятий;

— заслушивать лицо права и свободы которого ограничены и при необходимости (в зависимости от скрытого или открытого проведения оперативно — розыскных мероприятий) информировать заявителя о причинах проведения в отношении него оперативно-розыскных мероприятий;

— принимать другие меры с целью гарантии конституционных прав и свобод лица.

Следует учесть, что пределы судебного контроля за проведением оперативно — розыскных мероприятий неизменны, независимо от того, добыты ли результаты этих мероприятий, в порядке, предусмотренном законодательством, в результате мероприятий, проводимых с согласия суда, или без его предварительного согласия, но с последующим оповещением суд об этом. В свою очередь, в результате проверки, проводимой в порядке судебного контроля суды принимают соответствующие решения. Именно с этой точки зрения, после проведения оперативно — розыскных мероприятий суды проверив в порядке судебного контроля законность, обоснованность, пропорциональность, целесообразность и неотложность проведения данного мероприятия с точки зрения гарантии прав и свобод человека должны принять решение в соответствии со статьей 448 УПК.

Учитывая отмеченное, Пленум Конституционного Суда пришел к следующим выводам:

— при поступлении в суд постановления о проведении оперативно — розыскного мероприятия в соответствии со статьей 445.2 УПК в порядке судебного контроля должна быть проверена ее законность и обоснованность с точки зрения обеспечения прав и свобод человека и при необходимости с обеспечением секретности могут быть востребованы материалы, добытые в результате оперативно — розыскной деятельности;

— в случае если материалы добытые на основании постановления о проведении оперативно — розыскного мероприятия добыты в соответствии с Законом “Об оперативно — розыскной деятельности” и представлены в соответствии с требованиями УПК и всесторонне проверены в порядке судебного контроля, то в соответствии с требованиями статьи 137 данного Кодекса могут быть признаны, в качестве доказательств по уголовному преследованию.

Руководствуясь частью VI статьи 130 Конституции Азербайджанской Республики, статьями 60, 62, 63, 65 — 67 и 69 Закона Азербайджанской Республики “О Конституционном Суде”, Пленум Конституционного Суда Азербайджанской Республики

ПОСТАНОВИЛ:

1. При поступлении в суд постановления о проведении оперативно — розыскного мероприятия в соответствии со статьей 445.2 Уголовно — Процессуального Кодекса Азербайджанской Республики в порядке судебного контроля должна быть проверена ее законность и обоснованность с точки зрения обеспечения прав и свобод

человека, при необходимости с обеспечением секретности могут быть востребованы материалы, добытые в результате оперативно — розыскной деятельности.

2. Если материалы добытые на основании постановления о проведении оперативно — розыскного мероприятия добыты в соответствии с Законом Азербайджанской Республики “Об оперативно — розыскной деятельности” и представлены в соответствии с требованиями Уголовно — Процессуального Кодекса Азербайджанской Республики, а также всесторонне проверены в порядке судебного контроля, то в соответствии с требованиями статьи 137 данного Кодекса могут быть признаны, в качестве доказательств по уголовному преследованию.

3. Постановление вступает в силу со дня опубликования.

4. Постановление опубликовать в газетах “Азербайджан”, “Республика”, “Халг газети”, “Бакинский рабочий” и в “Вестнике Конституционного Суда Азербайджанской Республики”.

5. Постановление является окончательным и не может быть отменено, изменено или официально истолковано ни одним органом или лицом.

**ИМЕНЕМ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ПЛЕНУМА КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

*О проверке соответствия определения Гражданской коллегии
Верховного Суда Азербайджанской Республики
от 4 декабря 2017 года Конституции и законам
Азербайджанской Республики по жалобе Г. Джафарова*

14 февраля 2019 года

город Баку

Пленум Конституционного Суда Азербайджанской Республики в составе Фархада Абдуллаева (председатель), Соны Салмановой, Судабь Гасановой, Ровшана Исмаилова (судья — докладчик), Джейхуна Гараджаева, Рафаэля Гваладзе, Исы Наджафова и Кямрана Шафиева, с участием секретаря суда Фараида Алиева, адвоката заявителя Гашима Джафарова — Алирзы Габилова, эксперта — доцента кафедры международного частного и европейского права юридического факультета Бакинского государственного университета Тургая Гусейнова,

в соответствии с частью V статьи 130 Конституции Азербайджанской Республики и статьей 34 Закона Азербайджанской Республики “О Конституционном Суде” рассмотрел в открытом судебном заседании в порядке конституционного судопроизводства конституционное дело о проверке соответствия определения Гражданской коллегии Верховного Суда Азербайджанской Республики от 4 декабря 2017 года Конституции и законам Азербайджанской Республики по жалобе Г. Джафарова.

Заслушав доклад судьи Р. Исмаилова по делу, выступление адвоката заявителя, мнение эксперта, изучив и обсудив материалы дела, Пленум Конституционного Суда Азербайджанской Республики

УСТАНОВИЛ:

Гаратель Магеррамова обратилась в суд с иском против ответчиков Гасана Гаджиева, нотариуса Анны Маховиковой и третьего лица Г. Джафарова о признании доверенности недействительной.

Решением Дзержинского районного суда города Пермь Российской Федерации (далее — Дзержинский районный суд города Пермь) от 31 марта 2010 года иск Г.Магеррамовой был удовлетворен, доверенность, наделявшая Г. Гаджиева полномочиями на осуществление определенных действий от ее имени, признана недействительной.

Впоследствии на основании заявления Г. Магеррамовой было принято определение Гражданской коллегии Верховного Суда Азербайджанской Республики (далее — Гражданская коллегия Верховного Суда) от 4 декабря 2017 года о признании данного решения на территории Азербайджанской Республики. В определении указано, что в судах Азербайджанской Республики были рассмотрены споры между сторонами о недействительности сделок, заключенных с использованием данной доверенности, хотя при рассмотрении этих дел было выражено отношение к доверенности от 13 октября 2005 года, выданной от имени Г. Магеррамовой, тем не менее, вопрос признания данной доверенности недействительной не являлся предметом судебного разбирательства, и на территории Азербайджанской Республики нет принятого судебного акта об этом.

Г. Джафаров, обратившись в Конституционный Суд Азербайджанской Республики (далее — Конституционный Суд), просил проверить соответствие определения Гражданской коллегии Верховного Суда Азербайджанской Республики от 4 декабря 2017 года о признании на территории Азербайджанской Республики решения Дзержинского районного суда города Пермь от 31 марта 2010 года Конституции и законам Азербайджанской Республики.

В жалобе отмечено, что до вынесения в Дзержинском районном суде города Пермь решения от 31 марта 2010 года в судах Азербайджанской Республики уже был рассмотрен вопрос о том же правовом споре между теми же сторонами. По мнению заявителя, суд кассационной инстанции при вынесении оспариваемого определения не применил положений подписанной 7 октября 2002 года в городе Кишинев Конвенции “О правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам” (далее — Кишиневская конвенция), утвержденной Законом Азербайджанской Республики от 13 января 2004 года, а также не соблюдал требований статьи 465 Гражданского процессуального кодекса Азербайджанской Республики (далее — Гражданский процессуальный кодекс), в итоге было нарушено его право на судебную защиту, закрепленное в статье 60 Конституции.

В связи с жалобой Пленум Конституционного Суда считает необходимым отметить следующее.

В соответствии с частью I статьи 60 Конституции каждому гарантируется защита его прав и свобод в административном порядке и в суде.

На основании сформированной Пленумом Конституционного Суда правовой позиции, судебная гарантия устанавливает с одной стороны, право каждого обращаться в суд с целью восстановления нарушенных прав и свобод, а с другой — обязанность судов рассматривать данные обращения и принимать по ним справедливые решения.

Беспристрастная и справедливая защита судом прав и свобод человека признается как неотъемлемое и неприкосновенное право человека и в международном праве. Так, согласно статье 8 Всеобщей декларации прав человека, статье 6 Конвенции “О защите прав человека и основных свобод” (далее — Конвенция), статье 14 Международного пакта “О гражданских и политических правах”, каждый имеет право при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого ему, или при определении его прав и обязанностей в каком — либо гражданском процессе, на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона.

В соответствии с частью I статьи 129 Конституции суды выносят решения от имени государства, исполнение которых обязательно.

Согласно сформированной Пленумом Конституционного Суда правовой позиции, исполнение вступившего в законную силу решения суда, являясь составной частью права обращения в суд, имеет особое значение (Постановление “О толковании статей 7, 10, 24 и 26 Закона Азербайджанской Республики “Об исполнении” с точки зрения некоторых положений Гражданского процессуального кодекса Азербайджанской Республики” от 2 сентября 2015 года).

Европейский суд по правам человека (далее — Европейский суд) в соответствии со смыслом статьи 6 Конвенции также признал исполнение решения, принятого тем или иным судом, неотъемлемой составной частью судебного разбирательства (решения от 19 марта 1997 года по делу Хорнсби против Греции и от 19 января 2017 года по делу Стамова против Болгарии).

В ряде случаев решения, принятые судами иностранного государства, могут обладать юридической силой и на территории другого государства наравне с судебными решениями данного государства. Если судебный процесс проходит в зарубежной стране, и его признание и исполнение предусматривается в Азербайджанской Республике, то данное производство, наряду с международными обязательствами нашего государства, должно осуществляться в соответствии с основными принципами Конституции относительно правосудия.

Правила признания и исполнения решений иностранных судов и арбитражей в Азербайджанской Республике регулируются главами 47-50 Гражданского процессуального кодекса.

Гражданско — процессуальное законодательство подразделяет решения судов иностранного государства в связи с их исполнением и признанием на две группы:

- признание решений, не подлежащих исполнению;
- признание решений, подлежащих принудительному исполнению.

Признанные в Азербайджанской Республике решения иностранных судов, не подлежащие исполнению, перечислены в статье 459 Гражданского процессуального кодекса. А условия признания и исполнения решений иностранных судов, подлежащих исполнению, предусмотрены в статье 458 Гражданского процессуального кодекса. На основании данной статьи решения иностранных судов подлежат признанию и исполнению в Азербайджанской Республике в случаях, предусмотренных законами или международными договорами, к которым присоединилась Азербайджанская Республика, или на основе взаимопонимания.

Как видно, гражданско — процессуальное законодательство установило три случая признания и исполнения решений иностранных судов в Азербайджанской Республике:

- в случаях, предусмотренных законами Азербайджанской Республики;
- в случаях, предусмотренных международными договорами, к которым присоединилась Азербайджанская Республика;
- на основе взаимопонимания.

Согласно статье 458.2 Гражданского процессуального кодекса, признание и исполнение решений иностранных судов осуществляется при условиях и в порядке, предусмотренных в данном Кодексе, если международными договорами, к которым присоединилась Азербайджанская Республика, не предусмотрены иные правила.

В соответствии с содержанием пункта 4 статьи 120 Кишиневской Конвенции, положения Минской Конвенции “О правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам” (далее — Минская Конвенция) от 22 января 1993 года и Протокола к ней продолжают применяться в отношениях между государством — участником Кишиневской Конвенции и государством, являющимся участником Минской Конвенции и Протокола к ней, для которого Кишиневская Конвенция не вступила в силу.

Таким образом, с учетом требований данной статьи Кишиневской Конвенции и не ратификации Российской Федерацией этой Конвенции следует отметить, что к отношениям, сложившимся между Азербайджанской Республикой и Российской Федерацией, применяются положения Минской Конвенции.

В статье 55 Минской Конвенции установлены случаи отказа в признании и исполнении решений. В соответствии с данной статьей, в признании и исполнении решений может быть отказано в том числе в случае, если по делу между теми же сторонами, о том же предмете и по тому же основанию на территории Договаривающейся Стороны, где должно быть признано и исполнено решение, было уже ранее вынесено вступившее в законную силу решение или имеется признан-

ное решение суда третьего государства, либо если учреждением этой Договаривающейся Стороны было ранее возбуждено производство по данному делу.

С точки зрения статьи 458.2 Гражданского процессуального кодекса следует отметить отсутствие разницы в содержании между соответствующими статьями Гражданского процессуального кодекса и Минской Конвенции, регулирующими один и тот же вопрос. Так, в статье 465 Гражданского процессуального кодекса установлена аналогичная норма. На основании статьи 465.1.3 данного Кодекса, отказ от принудительного исполнения решений иностранных судов допускается, если имеется вступившее в законную силу решение судов Азербайджанской Республики по делу о спорах между одними и теми же сторонами, по одному и тому же предмету и по одним и тем же основаниям, или до возбуждения дела в суде другого государства в производстве судов Азербайджанской Республики уже имеется дело о спорах между одними и теми же сторонами, по одному и тому же предмету и по одним и тем же основаниям.

Пленум Конституционного Суда, повторяя прежнюю правовую позицию, еще раз отмечает, что суд, рассматривая такие дела, в первую очередь должен выяснить, имеются ли основания, указанные в статьях 458 и 462 Гражданского процессуального кодекса, после чего установить наличие перечисленных в международных договорах, к которым присоединилась Азербайджанская Республика, или в статье 465 данного Кодекса случаев, в которых допускается отказ от принудительного исполнения и признания решения суда иностранного государства (постановления от 16 марта 2017 года по жалобе Г. Бабаева и от 20 июля 2017 года по жалобе Ф. Байрамова).

Одновременно суды, рассматривая тот или иной вопрос, должны учитывать, что принцип правовой определенности, наряду с другими требованиями, подразумевает четкость и определенность применительно к существующему правовому положению в самом общем смысле. В этом контексте, в принимаемых судами решениях должна быть внесена ясность во все необходимые вопросы по разрешаемому делу, устранены противоречивые моменты. В судебных актах, выносимых от имени Азербайджанской Республики, не должно быть положений, ставящих под сомнение справедливость разрешения дела, создающих противоречия и воздействующих на конституционное право участников спора на судебную защиту (Постановление Пленума Конституционного Суда от 28 декабря 2011 года по жалобе Н. Бабаева).

В соответствии с правовой позицией Европейского суда, суд, рассматривая ходатайство о признании и направлении на исполнение решения суда иностранного государства, с точки зрения обеспечения справедливого судебного разбирательства не может удовлетворить

поданного ходатайства без предварительного рассмотрения соответствующего решения. Объем таких проверок может зависеть от характера дела (Решение от 23 мая 2016 года по делу Авотиньш против Латвии).

Что касается предмета рассматриваемого в судах спора, следует отметить, что в статье 465.1.3 Гражданского процессуального кодекса в качестве основания для отказа от признания и исполнения решения суда выступает критерий внешней идентичности споров. Под внешней идентичностью иска подразумевается идентичность рассмотренного или рассматриваемого судом иска и вновь поданного иска. Совпадение элементов двух исков приводит к негативным, запретительным для истца последствиям.

Следует учесть, что предмет спора не может идентифицироваться с предметом иска. Предмет спора является более широким понятием. Так, в ходе рассмотрения дела в суде ответчик может подать встречный иск, предмет которого должен быть указан в соответствии с содержанием статей 220.3 и 264.0.3 Гражданского процессуального кодекса в судебных определениях и решениях, как составная часть предмета спора.

Вместе с тем, во время судебного разбирательства допускается решение ряда спорных вопросов, представляющих значение для справедливого разрешения дела, независимо от того, были они указаны в основном исковом заявлении или появились в ходе последующего рассмотрения дела. В этом контексте, под предметом спора подразумевается предмет не только основного, но и встречного иска и иска третьего лица, а также не затронутые ни одной из сторон вопросы, самостоятельно разрешаемые судом с учетом требований норм материального и процессуального права и существующей судебной практики.

Хотя подобные действия суда являются вмешательством в диспозитивные права спорящих сторон, тем не менее, это продиктовано стремлением правильного разрешения дела в рамках судебного процесса и направлено на осуществление принципов процессуальной экономии и недопустимости злоупотребления процессуальными правами, представляющих конституционное значение.

Из судебных актов, принятых по делу судами Азербайджанской Республики, видно, что недействительность доверенности не являлась предметом ни основного, ни встречного иска. Однако суды для правильного решения поставленного в иске вопроса рассмотрели отмеченный случай, дали ему правовую оценку и включили в состав предмета спора.

Так, в решениях Наримановского районного суда города Баку от 19 декабря 2007 года, а также Бакинского апелляционного суда от 13 марта 2008 года суды признали, что подпись в доверенности от 13 октября 2005 года, выданной от имени истца Г. Магеррамовой ответ-

чику Г. Гаджиеву, не принадлежит Г. Магеррамовой, что явствует из данной доверенности, однако это обстоятельство не может служить основанием для расторжения заключенного между ответчиками договора купли — продажи спорного имущества. Так, доверенность, выданная 13 октября 2005 года от имени истца Г. Магеррамовой на имя ответчика Г. Гаджиева, на основании выданной 2 июня 2004 года Г. Магеррамовой своему брату Б. Магеррамову доверенности с правом передоверия другому лицу была подписана последним. Подписание в такой ситуации указанной доверенности Б. Магеррамовым вместо Г. Магеррамовой и отсутствие на этом основании подписи Г. Магеррамовой в данной доверенности ни в какой форме не является незаконным.

Таким образом, до подачи иска в Дзержинский районный суд города Пермь вопрос недействительности спорной доверенности между теми же лицами уже являлся предметом спора в производстве судов Азербайджанской Республики. А это, согласно требованиям статьи 465.1.3 Гражданского процессуального кодекса, является основанием для отказа от принудительного исполнения и признания решения суда иностранного государства.

Несмотря на вышеотмеченное, суд кассационной инстанции, не соблюдая требований норм законодательства, недостаточно изучил вопрос о наличии или отсутствии оснований для признания решения иностранного суда, не уделил внимания обстоятельствам, допускающим отказ от принудительного признания данного решения.

Учитывая вышеуказанное, Пленум Конституционного Суда приходит к такому выводу, что определение Гражданской коллегии Верховного Суда от 4 декабря 2017 года о признании на территории Азербайджанской Республики решения Дзержинского районного суда города Пермь от 31 марта 2010 года следует признать утратившим силу из-за несоответствия части I статьи 60 Конституции, статьям 458.2 и 465.1.3 Гражданского процессуального кодекса. Дело необходимо пересмотреть в соответствии с отраженными в настоящем Постановлении правовыми позициями.

Руководствуясь частями V и IX статьи 130 Конституции Азербайджанской Республики, статьями 52, 62, 63, 65 — 67 и 69 Закона Азербайджанской Республики “О Конституционном Суде”, Пленум Конституционного Суда

ПОСТАНОВИЛ:

1. Определение Гражданской коллегии Верховного Суда Азербайджанской Республики от 4 декабря 2017 года о признании на территории Азербайджанской Республики решения Дзержинского районного суда города Пермь Российской Федерации от 31 марта 2010 года при-

нать утратившим силу из — за несоответствия части I статьи 60 Конституции, статьям 458.2 и 465.1.3 Гражданского процессуального кодекса Азербайджанской Республики. Дело пересмотреть в соответствии с отраженными в настоящем Постановлении правовыми позициями.

2. Постановление вступает в силу со дня опубликования.

3. Постановление опубликовать в газетах “Азербайджан”, “Республика”, “Халг газети”, “Бакинский рабочий” и “Вестнике Конституционного Суда Азербайджанской Республики”.

4. Постановление является окончательным и не может быть отменено, изменено или официально истолковано ни одним органом или лицом.

РЕЗЮМЕ РЕШЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

“О правовом регулировании в гражданском законодательстве использования и охраны изображения гражданина” от 30 октября 2018 г. № Р-1145/2018

Производство по делу возбуждено Конституционным Судом на основании обращения Белорусской республиканской коллегии адвокатов и Общественного совета при Министерстве внутренних дел, в которых поставлен вопрос о правовой неопределенности в нормах Гражданского кодекса Республики Беларусь, связанной с обеспечением гарантий, предоставленных гражданам статьями 28 и 59 Конституции, в части защиты права гражданина от незаконного вмешательства в его личную жизнь.

При рассмотрении дела Конституционный Суд исходил из следующего.

1. Положениями Конституции каждому гарантируется защита его личных неимущественных прав, таких как свобода, неприкосновенность и достоинство личности, личная жизнь, честь и достоинство (статьи 25, 28).

Конституционный Суд отмечает, что к охраняемым Конституцией нематериальным благам относится и внешний облик человека, принадлежащий ему от рождения, не отчуждаемый и не передаваемый иным способом, а также основанное на нем право на изображение гражданина.

Приведенным конституционным нормам корреспондируют положения международно — правовых актов: статья 17 Международного пакта о гражданских и политических правах, согласно которой никто не может подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным или незаконным посягательствам на неприкосновенность его жилища или тайну его корреспонденции или незаконным посягательствам на его честь и репутацию; статья 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (право на уважение частной и семейной жизни) и др.

Согласно решениям Европейского Суда по правам человека, “личная жизнь” по смыслу положений статьи 8 Конвенции — это широкое понятие, которое распространяется на множество аспектов самоидентификации человека, например на имя человека и его изображение, а кроме того, включает в себя его физическую и психическую целостность; изображение человека представляет собой один из главных атрибутов его личности, поскольку оно демонстрирует

уникальные характеристики человека и отличает его от всех остальных; право на защиту своего изображения является одним из важнейших элементов личностного развития и предполагает право контролировать использование данного изображения, в том числе право не разрешать его опубликование.

Приведенными положениями Конституции и международно — правовых актов в их взаимосвязи со статьей 59 Конституции, согласно которой государство обязано принимать все доступные ему меры для создания внутреннего и международного порядка, необходимого для полного осуществления прав и свобод граждан Республики Беларусь, предусмотренных Конституцией, устанавливается обязанность государства обеспечивать правовое регулирование, необходимое для полной реализации конституционных прав и свобод граждан и обеспечения своевременной и эффективной их защиты, включая выработку и закрепление действенного правового механизма использования и охраны изображения гражданина.

2. Конституционные нормы о гарантировании прав и свобод личности (статьи 2, 21, 25 и 28 Конституции) находят развитие в положениях Гражданского кодекса, предусматривающих, что отношения, связанные с осуществлением и защитой неотчуждаемых прав и свобод человека и других нематериальных благ (личные неимущественные отношения, не связанные с имущественными), регулируются гражданским законодательством, поскольку иное не вытекает из существа этих отношений.

Следовательно, именно гражданское законодательство определяет правовые механизмы осуществления и защиты нематериальных благ, в том числе внешнего облика гражданина как нематериального блага и права на изображение гражданина.

Конституционный Суд отмечает, что внешний облик гражданина по своей сущностной характеристике относится к числу нематериальных благ, охраняемых Конституцией. Как самостоятельное личное нематериальное благо, изображение гражданина представляет собой его внешний (индивидуальный) облик в объективированной форме, например в произведении изобразительного искусства, на фотографии или видеозаписи в конкретный момент времени.

Такой подход согласуется со статьей 151 Гражданского кодекса (“Нематериальные блага”), устанавливающей, что жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, право свободного передвижения, выбора места пребывания и жительства, право на имя, право авторства, иные личные неимущественные права и другие нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу акта законодательства,

неотчуждаемы и непередаваемы иным способом. Нематериальные блага защищаются в соответствии с гражданским законодательством в случаях и порядке, предусмотренных этим законодательством, а также в тех случаях и пределах, в каких использование способов защиты гражданских прав вытекает из существа нарушенного нематериального права и характера последствий этого нарушения.

Таким образом, право на изображение гражданина как личное неимущественное право, являющееся нематериальным благом, должно быть обеспечено законными способами его осуществления и защиты. В случае посягательства на указанное благо, в том числе путем обнародования и распространения изображения гражданина без его согласия, гражданин может прибегнуть к разрешенным законом способам защиты. Исходя из существа нарушенного блага, в качестве таких способов могут выступать, в частности, пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, самозащита права, компенсация морального вреда.

По мнению Конституционного Суда, конкретное изображение гражданина, зафиксированное на материальном носителе, должно охраняться: нормы гражданского законодательства должны не только устанавливать способы такой охраны, но и определять режим использования изображения гражданина другими лицами.

3. На основании изложенного Конституционный Суд констатирует наличие в действующем законодательном регулировании правового дефекта, обусловленного отсутствием в гражданском законодательстве надлежащего правового механизма использования и охраны изображения гражданина.

Учитывая, что право каждого на неприкосновенность частной жизни относится к личным неимущественным правам (статья 151 Гражданского кодекса), Конституционный Суд отмечает, что охрана изображения не обеспечена надлежащим правовым механизмом, который учитывал бы существо данного нематериального блага и определял особенности того или иного способа его защиты.

Конституционный Суд, основываясь на взаимосвязанных положениях статей 2, 21 и 28 Конституции, полагает, что в целях надлежащей реализации конституционного права каждого гражданина на защиту частной (личной) жизни от незаконного вмешательства в Гражданском кодексе необходимо установить особенности правового режима использования и охраны изображения гражданина с определением пределов реализации и условий ограничения права на изображение. Совету Министров предложено подготовить проект закона о внесении изменений в Гражданский кодекс и внести его в установленном порядке в Палату представителей Национального собрания.

РЕЗЮМЕ РЕШЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

*“О соответствии Конституции Республики Беларусь
Закона Республики Беларусь “Об изменении законов”
от 9 июля 2019 г. № Р-1185/2019”*

Конституционный Суд рассмотрел в открытом судебном заседании в порядке обязательного предварительного контроля конституционность Закона “О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь “Об изменении законов” (далее – Закон).

1. Конституционный Суд при проверке Закона исходит из положений Конституции, согласно которым Республика Беларусь провозглашается социальным правовым государством, в котором человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства, которое ответственно перед гражданином за создание условий для свободного и достойного развития личности, а также гарантирует равенство всех перед законом и право на равную защиту прав и законных интересов (статьи 1, статьи 2 и 22).

Парламент — Национальное собрание Республики Беларусь, являющийся представительным и законодательным органом, рассматривает и одобряет проекты законов, в том числе об основном содержании и принципах осуществления прав, свобод и обязанностей граждан, о принципах регулирования труда и занятости (статья 90, 97, 98 Конституции).

При этом законодатель, обязанный на основании статьи 7 Конституции действовать в соответствии с конституционными принципами и нормами, обладает дискреционными полномочиями в регулировании конкретных общественных отношений с учетом состояния экономики и наличия финансовых ресурсов в государстве, определении особенностей правового регулирования прав работников и нанимателей, условий и механизмов их реализации.

2. Согласно Закону, Трудовой кодекс дополняется Главой 25¹, нормами которой регулируется труд работников, выполняющих дистанционную работу.

В соответствии с положениями данной Главы Трудового кодекса дистанционной считается работа, которую работник выполняет вне места нахождения нанимателя с использованием для выполнения этой работы и осуществления взаимодействия с нанимателем информационно — коммуникационных технологий. На работников, выполняющих дистанционную работу, распространяется действие законодательства о труде и иных актов законодательства с учетом особенностей

трудового договора, его прекращения с таким работником, режима работы и отдыха, охраны труда.

Конституционный Суд считает, что дополнение Трудового кодекса положениями, регламентирующими труд работников, которые выполняют дистанционную работу, вызвано объективной потребностью рынка труда и направлено на реализацию политики занятости населения в условиях развития информационного общества, в котором информационно — коммуникационным технологиям отводится роль необходимого инструмента социально — экономического прогресса. Этому способствует развитие гибких и нестандартных форм занятости населения, в том числе той его части, которой не в полной мере доступен труд в месте расположения нанимателя. В указанных нормах Закона получили развитие положения Конституции о гарантировании гражданам Республики Беларусь права на труд как наиболее достойный способ самоутверждения человека, а также обязанности государства создавать условия для полной занятости населения (статья 41).

При этом Конституционный Суд обращает внимание законодателя, что в условиях, когда мировая экономика находится на этапе глубоких структурных преобразований и развития цифровой экономики, а также происходит цифровая трансформация повседневной жизни, деловой среды и государственного управления, с учетом положений Основных направлений реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года (утверждены Решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. № 12), разработанных с целью дальнейшего развития экономической интеграции государств — членов Союза, на законодательном уровне потребуются правовое регулирование отношений в сфере цифровизации экономики, обеспечения единого информационного пространства, которое должно привести к ускорению процессов свободного передвижения товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Евразийского экономического союза.

3. Законом в Трудовом кодексе устанавливаются категории работников, воспитывающих детей, имеющих право на дополнительные гарантии в сфере трудовых отношений.

Наряду с нормами, направленными на обеспечение возможности членов семей совмещать трудовую деятельность с воспитанием детей, в Трудовом кодексе закрепляется термин “одиноким родителем”, который определяется как мать (отец), не состоящая (не состоящий) в браке и воспитывающая (воспитывающий) несовершеннолетнего ребенка в случае, когда другой родитель умер, лишен родительских прав, признан недееспособным, объявлен умершим или признан безвестно отсутствующим; мать, не состоящая в браке и воспитывающая несовершеннолетнего ребенка, сведения об отце которого внесены в запись акта о рождении ребенка по ее указанию или по указанию другого лица, подавшего

заявление о регистрации рождения; усыновитель (удочеритель), не состоящий в браке и воспитывающий несовершеннолетнего ребенка. Статьи 16, 268 и 271 Трудового кодекса, устанавливающие гарантии при заключении и прекращении трудового договора для беременных женщин, женщин, имеющих детей, и иные гарантии, связанные с воспитанием детей, распространяются на одиноких родителей.

В проверяемых положениях Закона получили развитие нормы статьи 22 Конституции, закрепляющие принцип равенства, и статьи 32 Конституции, согласно которым семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства; супруги равноправны в семейных отношениях; родители или лица, их заменяющие, имеют право и обязаны воспитывать детей, заботиться об их здоровье, развитии и обучении.

Конституционный Суд отмечает, что законодатель, закрепляя в Законе определение понятия “одиноким родителем” и уточняя основания запрета необоснованного отказа отдельным гражданам в заключении трудового договора, гарантии при прекращении трудового договора, реализовал решение Конституционного Суда от 18 сентября 2014 г. “О понятии “одинокая мать” в трудовых правоотношениях”. Тем самым в Трудовом кодексе исключается правовая неопределенность, вызванная отсутствием ясного и точного определения круга лиц, воспитывающих детей в одиночку, на которых распространяются предусматриваемые в этом Кодексе гарантии при заключении и прекращении трудового договора для одиноких матерей, и создаются условия для обеспечения конституционного принципа верховенства права, гарантирования защиты в трудовых отношениях конституционных прав граждан, имеющих семейные обязанности.

4. Из выявленного конституционно — правового смысла Закона следует, что его нормы имеют целью совершенствование правового регулирования трудовых и связанных с ними отношений в развитие конституционных положений о праве граждан Республики Беларусь на труд как наиболее достойный способ самоутверждения человека, направлены на обеспечение необходимого уровня защиты как работников, так и нанимателей для осуществления производства продукции, оказания услуг на надлежащем уровне. Уточнение норм Трудового кодекса и согласование с нормами других законодательных актов реализуют в нормотворчестве конституционный принцип верховенства права, означающий в том числе необходимость обеспечения полного, согласованного и непротиворечивого правового регулирования.

Конституционный Суд приходит к выводу, что по содержанию норм, форме акта и порядку принятия Закон соответствует Конституции.

**ИМЕНЕМ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ**

*По делу об определении вопроса соответствия части
2 статьи 16 и части 5 статьи 172 Уголовно — процессуального
кодекса Республики Армения Конституции
на основании обращения Ашота Куюмджяна*

2 июля 2019 года

город Ереван

Конституционный Суд в составе Г. Товмасына (председательствующий), А. Гюлумян, Ф. Тохяна, А. Туняна (докладчик), А. Хачатряна, Г. Назаряна, А. Петросян, с участием (в рамках письменной процедуры): представителя заявителя — адвоката К. Межлумяна, привлеченного в качестве ответчика по делу представителя Национального Собрания — начальника Отдела правового обеспечения Управления правовой экспертизы Аппарата Национального Собрания А. Кочарян, согласно пункту 1 статьи 168, пункту 8 части 1 статьи 169 Конституции, а также статьям 22 и 69 Конституционного закона “О Конституционном Суде”, рассмотрел в открытом заседании по письменной процедуре дело “Об определении вопроса соответствия части 2 статьи 16 и части 5 статьи 172 Уголовно — процессуального кодекса Республики Армения Конституции на основании обращения Ашота Куюмджяна”.

Уголовно — процессуальный кодекс Республики Армения (далее — Кодекс) принят Национальным Собранием 1 июля 1998 года, подписан Президентом Республики 1 сентября 1998 года и вступил в силу с 12 января 1999 года. Часть 2 статьи 16 Кодекса, озаглавленной “Гласность судебного разбирательства”, устанавливает: “В целях защиты частной жизни, чести и достоинства лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, интересов несовершеннолетних или правосудия, а также государственной безопасности, общественного порядка или нравственности, участников производства или их близких родственников суд по ходатайству участников судопроизводства или по своей инициативе может рассматривать дело или его часть в закрытом судебном заседании. Суд осуществляет рассмотрение в закрытом судебном заседании также в иных случаях, предусмотренных настоящим Кодексом”. Упомянутая статья Кодекса подверглась изменениям и дополнениям Законом НО91 — N от 25.05.2006 г., Законом НО — 33 — N от 17.03.2010 г., Законом НО — 69 — N от 16.01.2018 г., Законом НО — 211 — N от 23.03.2018 г.

Часть 5 статьи 172 Кодекса, озаглавленной “Получение и сохранение служебной и коммерческой тайны”, устанавливает: “5. Доказа-

тельства, относящиеся к сведениям, содержащим служебную, коммерческую и иную охраняемую законом тайну, по требованию лиц, которым угрожает разглашение указанных сведений, могут исследоваться в закрытом судебном заседании”. Упомянутая статья Кодекса подверглась изменениям и дополнениям Законом НО28 — N от 14.12.2004 г., Законом НО — 114 — N от 27.02.2007 г., Законом НО — 196 — N от 22.10.2008 г., Законом НО — 103 — N от 24.06.2010 г., Законом НО — 115 — N от 21.06.2014 г. Поводом к рассмотрению дела явилось зарегистрированное в Конституционном Суде 2 мая 2019 года обращение Ашота Кулумджяна. Изучив обращение и приложенные к нему документы, письменное объяснение ответчика, другие имеющиеся в деле документы, а также Кодекс, Конституционный Суд

УСТАНОВИЛ:

1. Позиции заявителя

Заявитель отмечает, что все судебное разбирательство в суде первой инстанции по его уголовному делу было проведено при закрытых дверях под предлогом соблюдения коммерческой тайны, вследствие чего было нарушено гарантированное статьей 63 Конституции его право на публичное разбирательство дела. Заявитель считает, что статьи 16 и 172 Кодекса постольку, поскольку предоставляют возможность проведения всего судебного разбирательства по уголовному делу при закрытых дверях в не предусмотренных частью 2 статьи 63 Конституции случаях, в частности для защиты коммерческой тайны, противоречат статье 63 Конституции, так как в указанной норме нет ни слова о защите коммерческой тайны, которая, фактически, ставится ниже права лица на справедливое и публичное судебное разбирательство.

Исходя из вышеизложенного, заявитель просит признать часть 2 статьи 16 и часть 5 статьи 172 Кодекса в части возможности рассмотрения дела при закрытых дверях в случаях защиты коммерческой тайны и в не предусмотренных частью 2 статьи 63 Конституции иных случаях противоречащими статье 63 Конституции и недействительными.

2. Позиции ответчика

Ответчик, ссылаясь на часть 1 статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которой “каждый ... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на ... публичное разбирательство ... независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Судебное решение объявляется публично, однако пресса и публика могут не допускаться на судебные заседания в течение всего процесса или его части по соображениям морали, общественного порядка или национальной безопасности в демократическом обществе, а также когда того требуют интересы несовершеннолетних или

для защиты частной жизни сторон, или — в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо — при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия”. Ссылаясь на часть 2 статьи 63 Конституции, ответчик считает, что оспариваемые положения Кодекса вытекают из упомянутых конституционных требований, следовательно, рамки регулирования последних сами по себе не могут не соответствовать закреплённому Конституцией упомянутому положению. Ответчик отмечает также, что в результате изучения вынесенного 22.09.2017 г. в отношении заявителя приговора выяснилось, что по упомянутому уголовному делу при закрытых дверях была осуществлена лишь одна стадия судебного разбирательства. Ответчик считает, что предполагаемое нарушение указанных заявителем прав не обусловлено конституционностью оспариваемых норм, а является исключительно вопросом правомерности применения оспариваемых норм. По мнению ответчика, заявитель не представил соответствующие обоснования относительно неконституционности оспариваемых положений. Учитывая вышеизложенное, ответчик считает, что часть 2 статьи 16 и часть 5 статьи 172 Кодекса соответствуют Конституции, следовательно, производство по делу подлежит прекращению.

3. Обстоятельства, подлежащие установлению в рамках дела

Для определения конституционности оспариваемых по настоящему делу положений Конституционный Суд считает необходимым рассмотреть только вопрос исследования в закрытом судебном заседании доказательств относительно сведений, содержащих коммерческую тайну, учитывая то обстоятельство, что это положение применено в отношении заявителя лишь в этой части, а также то, что, по смыслу части 2 статьи 63 Конституции, правомерность проведения закрытого судебного заседания зависит от конкретного вида информации, содержащей охраняемую законом тайну. Исходя из вышеизложенного, для определения конституционности оспариваемых положений Конституционный Суд считает важным обратиться к следующим вопросам: - Соответствует ли исследование в закрытом судебном заседании доказательств относительно сведений, содержащих коммерческую тайну, требованиям, закреплённым в части 2 статьи 63 Конституции? — Является ли выбранная судом мера ограничения права лица на публичное рассмотрение его дела, а именно исследование в закрытом судебном заседании доказательств относительно сведений, содержащих коммерческую тайну, пригодной и необходимой для достижения одной из целей, закреплённых в части 2 статьи 63 Конституции, соразмерна ли она значению права на публичное рассмотрение дела (статья 78 Конституции), а также соответствует ли принципу правовой определенности (статья 79 Конституции)?

4. Правовые позиции Конституционного Суда

4.1. Часть 2 статьи 63 Конституции закрепляет возможность проведения по решению суда судебного производства или его части при закрытых дверях в установленных законом случаях и порядке, исходя из необходимости осуществления следующих конституционных целей:

- 1) защита частной жизни участников производства;
- 2) защита интересов несовершеннолетних;
- 3) защита интересов правосудия;
- 4) защита государственной безопасности;
- 5) защита общественного порядка;
- 6) защита нравственности.

Конституционный Суд неоднократно обращался к значимости права на публичное рассмотрение, являющегося составной частью основного права на справедливое судебное разбирательство, выразив, в числе прочего, следующую принципиальную правовую позицию:

1. “Согласно статье 19 Конституции РА каждый для восстановления своих нарушенных прав имеет право на публичное рассмотрение своего дела в разумные сроки независимым и беспристрастным судом. Это право гарантировано также Европейской конвенцией по правам человека (далее — Конвенция), согласно части 1 статьи 6 которой каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях имеет право на справедливое и публичное судебное разбирательство в разумный срок. Причем минимальными и важными гарантиями реализации этого права являются публичное судебное разбирательство (в частности, публичные сведения о рассматриваемом деле суде, являющемся предметом спора деле, месте, времени рассмотрения, порядке судебного разбирательства и ином), а также обязательное опубликование судебного акта.

В соответствии со статьей 3 Конституции РА, а также в рамках принятых международных обязательств задачей государства является обеспечивать законодательством отправление правосудия такими процессуальными правилами, которыми будут гарантированы необходимые правовые условия реализации права на публичное судебное разбирательство, в том числе также применением разнообразия процессуальных форм рассмотрения дел в суде, исходя из особенностей рассматриваемых дел и необходимости их справедливого, быстрого и эффективного разрешения” (ПКС — 1020 от 11 апреля 2012 г.).

2. “...Конституционный Суд считает правомерным порядок рассмотрения ходатайств о производстве следственных действий и применении мер процессуального принуждения (в том числе заключения под стражу) в закрытом судебном заседании.

...Ограничение публичности процессуальных процедур непосредственно обусловлено predeterminedенными частью 2 статьи 63 Конституции РА условиями защиты частной жизни участников производства,

интересов правосудия, а также государственной безопасности, общественного порядка или нравственности” (ПКС1295 от 2 сентября 2016 г.).

В результате изучения правовых актов относительно настоящего конституционно — правового спора Конституционный Суд считает необходимым отметить, что часть 5 статьи 172 Кодекса закрепляет возможность исследования в рамках закрытого судебного заседания, в числе охраняемых законом иных сведений, содержащих тайну, доказательств относительно сведений, содержащих коммерческую тайну.

В рамках первого предложения части 2 статьи 16 Кодекса законодатель, по сути, воспроизведя закрепленные в части 2 статьи 63 Конституции основания ограничения права на публичное судебное разбирательство, предусмотрел возможность осуществления судом закрытого судебного производства как по ходатайству участников судебного производства, так и по инициативе суда. Между тем в рамках закрепленного в части 5 статьи 172 Кодекса правового регулирования законодатель закрепил возможность проведения судом закрытого судебного производства по требованию лиц, которым угрожает разглашение охраняемых законом сведений.

В связи с этим Конституционный Суд констатирует, что из вышеизложенных законодательных регулирований следует, что целью исследования в рамках закрытого судебного заседания доказательств относительно сведений, содержащих охраняемую законом тайну, является защита интересов лиц, которым угрожает разглашение указанных сведений.

Одновременно Конституционный Суд констатирует, что защита коммерческой тайны в материальном праве в основном осуществляется в рамках гражданского, уголовного, а также трудового законодательства.

Так, правовые регулирования относительно защиты коммерческой тайны имеются в статье 141 Гражданского кодекса, в статье 199 главы 21 раздела о преступлениях против собственности, экономики и экономической деятельности Уголовного кодекса, а также в статье 122 Трудового кодекса.

Рассматривая предмет настоящего конституционно — правового спора в контексте процессуальных кодексов, Конституционный Суд констатирует, что согласно статье 17 Гражданского процессуального кодекса в целях защиты частной жизни участников судебного производства, в том числе коммерческой тайны, интересов несовершеннолетних или правосудия, а также государственной безопасности, общественного порядка или нравственности суд по ходатайству участвующего в деле лица или по своей инициативе может рассматривать дело или его часть в закрытом судебном заседании.

Регулирование аналогичного содержания имеется также в Кодексе административного судопроизводства, в частности, часть 2 статьи 8 Кодекса административного судопроизводства закрепляет, что в целях защиты частной жизни участников производства, в том числе коммерческой тайны, интересов несовершеннолетних или правосудия, а также государственной безопасности, общественного порядка или нравственности суд по ходатайству участника административного судопроизводства или по своей инициативе может рассматривать дело или его часть в закрытом судебном заседании.

Конституционный Суд констатирует, что коммерческая тайна подлежит защите в рамках процессуального законодательства в основном как элемент частной жизни участников производства, так как коммерческая тайна, имея реальное или потенциальное экономическое значение (коммерческую ценность), содержит такие касающиеся какого — либо частного лица сведения, которые не являются общедоступными, не доступны другим лицам, а их секретность гарантирована законом и защищается данным частным лицом. При этом часть 2 статьи 141 Гражданского кодекса устанавливает, что те сведения, которые не могут составлять коммерческую тайну, устанавливаются законом.

Конституционный Суд, учитывая то, что в рамках настоящего дела не оспариваются устанавливающие коммерческую тайну правовые регулирования, тем не менее констатирует, что в процессуальных рамках существует оправданная с точки зрения Конституции необходимость защиты коммерческой тайны как информации, касающейся частной жизни участника какого — либо процесса.

Следовательно, Конституционный Суд считает, что необходимость проведения в закрытом судебном заседании части судебного производства, касающейся исследования доказательств относительно содержащих коммерческую тайну сведений, вполне созвучна цели защиты частной жизни участников производства. Конституционный Суд констатирует также, что конституционная цель защиты частной жизни участников производства включает в себя также защиту коммерческой тайны, то есть государство обязано принять меры по защите коммерческой тайны, являющейся частью частной жизни.

В дополнение к вышеизложенному Конституционный Суд считает необходимым отметить, что разглашение содержащих коммерческую тайну сведений может иметь негативные последствия не только с точки зрения защиты интересов конкретного лица, но и с точки зрения защиты ряда конституционных ценностей, в частности свободной экономической конкуренции, являющейся основой экономического порядка, а также препятствовать осуществлению закрепленных Конституцией основных целей политики государства в экономической сфере.

Исходя из вышеизложенного, Конституционный Суд констатирует, что хотя термин “коммерческая тайна” непосредственно не закреплен в части 2 статьи 63 Конституции, однако он имеет основополагающее значение для частной жизни и экономической деятельности лиц и ее защита является правомерным основанием для ограничения основного права на публичное рассмотрение.

В этом аспекте закрепленные в части 2 статьи 16 и в части 5 статьи 172 Кодекса положения постольку, поскольку закрепляют возможность исследования в закрытом судебном заседании доказательств относительно сведений, содержащих коммерческую тайну, соответствуют части 2 статьи 63 Конституции.

4.2. Обращаясь к вопросу соблюдения принципов соразмерности ограничения и определенности прав, Конституционный Суд констатирует, что оспариваемые регулирования касаются исследования в закрытом судебном заседании доказательств относительно сведений, содержащих коммерческую тайну, то есть ограничение касается составляющего часть дела конкретного судебного заседания, в ходе которого должны быть исследованы доказательства относительно сведений, содержащих коммерческую тайну.

Конституционный Суд констатирует, что проведение судебного заседания в части исследования доказательств при закрытых дверях является необходимой мерой, так как делает возможным претворение в жизнь цели защиты частной жизни участников производства, необходимо для достижения этой цели, так как из всех подходящих мер минимально воздействует на основное право на публичное рассмотрение, а также предотвращает доступность содержащих коммерческую тайну сведений широкой общественности и тем самым обеспечивает реализацию основополагающего принципа свободной экономической конкуренции, являющегося элементом экономического порядка, равноценно значению ограничиваемого основного права на публичное рассмотрение.

Конституционный Суд констатирует также, что порядок исследования в закрытом судебном заседании доказательств относительно содержащих коммерческую тайну сведений в аспекте оснований и объема ограничения права на публичное рассмотрение является определенным, и носители этого права в состоянии привести свое поведение в соответствие с требованиями оспариваемых правовых регулирований.

Таким образом, Конституционный Суд считает, что исследование в закрытом судебном заседании доказательств относительно содержащих коммерческую тайну сведений как мера, выбранная для ограничения основного права на публичное рассмотрение, в рамках настоящего дела соответствует конституционным принципам соразмерности и правовой определенности.

4.3. Обращаясь к вопросу исследования в закрытом судебном заседании доказательств относительно содержащих коммерческую тайну сведений, Конституционный Суд считает необходимым рассмотреть его также с точки зрения соблюдения утвержденных в международной правовой практике принципов (статья 81 Конституции).

В этом аспекте Конституционный Суд придает значение следующим выраженным Европейским судом по правам человека (ЕСПЧ) правовым позициям:

1. Принцип публичности судебного разбирательства является одним из основополагающих принципов осуществления правосудия в демократическом обществе, роль и значение которого заключаются в том, что этот принцип является серьезной гарантией обеспечения законной деятельности суда, присутствие общества и средств массовой информации на рассмотрении судебного дела является для суда сдерживающим фактором. Согласно ЕСПЧ, этот принцип защищает стороны судебного процесса от осуществления тайного, лишённого общественного контроля правосудия, а также обеспечивает доверие к судам. Публичность и прозрачность правосудия содействуют осуществлению целей пункта 1 статьи 6 Конвенции, в частности справедливого судебного разбирательства (*Gautrin and Others v. France, Judgment of 20 May 1998, Pretto and Others v. Italy, Judgment of 8 December 1983, Krestovskiy v. Russia, Judgment of 28 October 2010*).

2. Изучение в рамках настоящего конституционно — правового спора судебной практики Европейского суда по правам человека относительно рассматриваемого вопроса свидетельствует о том, что проведение судебного разбирательства по уголовному делу при закрытых дверях в целях нераскрытия для общественности содержащих коммерческую тайну сведений с точки зрения права на справедливое судебное разбирательство само по себе не рассматривается Европейским судом по правам человека как проблематичное. Так, например, в рамках дела *Shenoyev v. Russia* ЕСПЧ хотя и подтвердил факт нарушения закрепленного в части 1 статьи 6 Конвенции права на публичное судебное разбирательство, однако посчитал обоснованным проведение внутригосударственным судом закрытого для общества судебного разбирательства в целях неразглашения содержащих коммерческую тайну сведений (*Shenoyev v. Russia, Judgment of 25 September 2018*).

Принимая за основание вышеизложенное, Конституционный Суд считает, что исследование доказательств относительно содержащих коммерческую тайну сведений в закрытом судебном заседании созвучно практике ЕСПЧ.

Исходя из результатов рассмотрения дела, принимая за основание пункт 1 статьи 168, пункт 8 части 1 статьи 169, статью 170 Консти-

туции, согласно статьям 63, 64 и 69 Конституционного закона “О Конституционном Суде”, Конституционный Суд

ПОСТАНОВИЛ:

1. Часть 2 статьи 16 Уголовно — процессуального кодекса в части исследования доказательств относительно содержащих коммерческую тайну сведений в закрытом судебном заседании соответствует Конституции.

2. Часть 5 статьи 172 Уголовно — процессуального кодекса в части исследования доказательств относительно содержащих коммерческую тайну сведений в закрытом судебном заседании соответствует Конституции. 3. Согласно части 2 статьи 170 Конституции настоящее Постановление окончательно и вступает в силу с момента опубликования.

ИМЕНЕМ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

*по делу об определении вопроса соответствия части 1 статьи 20
Закона Республики Армения “О государственных пенсиях”
Конституции на основании обращения Административного Суда
Республики Армения*

12 июля 2019 года

город Ереван

Конституционный Суд в составе Г. Товмасына (председательствующий), А. Гюлумян, А. Диланяна (докладчик), Ф. Тохяна, А. Туняна, А. Хачатряна, Г. Назаряна, А. Петросян, с участием (в рамках письменной процедуры):

заявителя — Административного суда Республики Армения, привлеченного в качестве ответчика по делу представителя Национального Собрания — начальника Отдела правового обеспечения Управления правовой экспертизы Аппарата Национального Собрания А. Кочарян, согласно пункту 1 статьи 168, части 4 статьи 169 Конституции, а также статьям 22 и 71 Конституционного закона “О Конституционном Суде”, рассмотрел в открытом заседании по письменной процедуре дело “Об определении вопроса соответствия части 1 статьи 20 Закона Республики Армения “О государственных пенсиях” Конституции на основании обращения Административного суда Республики Армения”.

Закон Республики Армения “О государственных пенсиях” (далее — Закон) принят Национальным Собранием 22 декабря 2010 года, подписан Президентом Республики 30 декабря 2010 года и вступил в силу с 1 января 2011 года.

Согласно части 1 статьи 20 Закона “военная пенсия по инвалидности назначается военнослужащему, признанному инвалидом компетентным государственным органом, осуществляющим медико — социальную экспертизу, если компетентный государственный орган в период военной службы либо в течение пяти лет после увольнения с военной службы в установленном порядке установил (определил) причинную связь между инвалидностью (заболеванием, изъязном, травмой) и военной службой. Если причина инвалидности военнослужащего связана с травмой, полученной в период военной службы — до увольнения с военной службы в установленном порядке, то военнослужащему назначается военная пенсия по инвалидности независимо от срока установления (определения) причинной связи инвалидности”.

Поводом к рассмотрению дела явилось зарегистрированное в Конституционном Суде 22 апреля 2019 года обращение Административного Суда РА от 18 апреля 2019 года.

Изучив обращение, письменные объяснения ответчика, а также проанализировав соответствующие положения Закона и другие имеющиеся в деле документы, Конституционный Суд

УСТАНОВИЛ:

1. Позиции заявителя

Заявитель, проанализировав часть 1 статьи 20 Закона Республики Армения “О государственных пенсиях”, заявляет, что указанную правовую норму условно можно разделить на две части. Первая часть применима, когда соответствующий компетентный орган в период военной службы либо в течение пяти лет после увольнения с военной службы в установленном порядке установил причинную связь между военной службой и инвалидностью, являющейся следствием заболевания, изъяна, травмы (основание возникновения инвалидности), а вторая часть применима, когда причина возникновения инвалидности военнослужащего связана с травмой, полученной во время военной службы — до увольнения с военной службы в установленном порядке, и в этом случае какой-либо срок не установлен. Причем включенное во вторую часть условие взаимосвязи причины возникновения инвалидности с травмой, включено также и в первую часть.

По мнению заявителя, нет никакого правомерного и законодательного основания, по которому травму можно рассматривать как более опасную для здоровья человека, чем заболевание и изъян, так как опасность классифицируется не по основанию возникновения инвалидности, а только по группе инвалидности.

Ссылаясь на статьи 29 и 83 Конституции, на правовую позицию, выраженную Конституционным Судом в Постановлении от 12 февраля 2019 года ПКС — 1443, заявитель считает, что часть 1 статьи 20 Закона противоречит упомянутым статьям Конституции, так как оспариваемым положением в отношении лиц разных групп в рамках одного и того же правового статуса проявляется дифференцированный и дискриминационный подход, вследствие чего эти лица лишаются права на получение пенсии, равноценной пенсии иных лиц, находящихся с ними в равных условиях.

2. Позиции ответчика

Ответчик, ссылаясь на статьи 1, 29 и 83 Конституции, отмечает, что принципы всеобщего равенства и запрета дискриминации гарантируются как Конституцией, так и рядом важнейших международных документов.

Содержание закрепленного законодателем оспариваемого положения, по сути, следует из принципов государственной пенсионной политики и рамок предмета регулирования, в частности, Закон

регулирует правоотношения в связи с управлением государственным пенсионным обеспечением и его финансированием, устанавливает виды государственных пенсий, условия и порядок назначения и выплаты пенсий.

Ответчик заявляет, что выбор объема и форм социального обеспечения, в частности размера пенсии, находится в рамках усмотрения государства, до тех пор, пока это не противоречит требованиям Конституции или принятым международным обязательствам.

Ссылаясь на Постановления Конституционного Суда от 15.01.2008 г. ПКС — 723, от 04.05.2010 г. ПКС — 881 и от 18.09.2018 г. ПКС-1426, а также на ряд решений Европейского суда по правам человека относительно права на пенсионное и социальное обеспечение, ответчик заявляет, что Республика Армения, являясь социальным государством, в соответствии с этой наиважнейшей конституционной характеристикой взяла на себя соответствующее конституционное обязательство, а именно оказывать своим гражданам социальную помощь. Поэтому действующие правовые регулирования системы социального обеспечения Республики Армения обусловлены в целом также финансовыми, экономическими и материальными возможностями страны, призванными гарантировать полноценное и достойное осуществление права граждан Республики Армения на социальное обеспечение.

Исходя из вышеизложенного, ответчик считает, что часть 1 статьи 20 Закона Республики Армения “О государственных пенсиях” соответствует Конституции.

3. Обстоятельства, подлежащие установлению в рамках дела

При определении конституционности оспариваемого по настоящему делу положения Конституционный Суд считает необходимым, в частности, обратиться к следующим вопросам.

Проявляется ли дифференцированный подход в случаях назначения военной пенсии по инвалидности после установления причинной связи между инвалидностью и военной службой на основании причин возникновения инвалидности (с одной стороны — заболевание и изъян, с другой стороны — травма), если да, соответствует ли это принципу запрета дискриминации, предусмотренному статьей 29 Конституции?

На основании вышеизложенного Конституционный Суд рассматривает конституционность оспариваемого по настоящему делу правового регулирования в контексте статей 29 и 83 Конституции.

4. Правовые позиции Конституционного Суда

4.1. Согласно статье 1 Конституции Республика Армения является социальным государством. Право на социальное обеспечение личности закреплено в статье 83 Конституции, согласно которой

каждый в соответствии с законом имеет право на социальное обеспечение в случае материнства, многодетности, болезни, инвалидности, несчастных случаев на месте работы, нужды в уходе, потери кормильца, старости, безработицы, потери работы и иных случаях.

Конституционный Суд в своем Постановлении от 02.04.2014 г. ПКС — 1142 отметил, что помимо того, что социальное обеспечение является правом лица, это еще и целевая функция, обусловленная позитивным обязательством государства, и, помимо прочего, направлено на жизнеобеспечение тех слоев общества, которые по не зависящим от них причинам не могут сделать этого сами.

Согласно части 1 статьи 70 Закона Республики Армения “О военной службе и статусе военнослужащего”, пенсионное обеспечение военнослужащих осуществляется в установленном законом порядке.

Часть 2 статьи 8 Закона Республики Армения “О государственных пенсиях” устанавливает следующие виды военной пенсии: 1) за выслугу лет; 2) по инвалидности; 3) по случаю потери кормильца.

Согласно пункту 1 части 1 статьи 17 Закона право на военную пенсию имеет:

служащий командного и некомандного (офицерского, унтер-офицерского, рядового) состава системы республиканских исполнительных органов обороны, полиции, национальной безопасности Республики Армения и спасательной службы Армении (далее также — соответствующие органы).

Согласно оспариваемой части 1 статьи 20 Закона “военная пенсия по инвалидности назначается военнослужащему, признанному инвалидом компетентным государственным органом, осуществляющим медико — социальную экспертизу, если компетентный государственный орган в период военной службы либо в течение пяти лет после увольнения с военной службы в установленном порядке установил (определил) причинную связь между инвалидностью (заболеванием, изъязном, травмой) и военной службой. Если причина инвалидности военнослужащего связана с травмой, полученной в период военной службы — до увольнения с военной службы в установленном порядке, то военнослужащему назначается военная пенсия по инвалидности независимо от срока установления (определения) причинной связи инвалидности”.

Из толкования вышеизложенного правового положения следует, что законодатель на основании причин инвалидности (в одном случае — заболевание и изъязн, в другом — травма) дифференцировал ситуации назначения военнослужащему военной пенсии по инвалидности после подтверждения причинной связи между инвалидностью и военной службой. В соответствии с этим, когда инвалидность является следствием не заболевания или изъязн, а травмы, то военная пенсия по

инвалидности назначается независимо от срока установления (определения) причинной связи между инвалидностью и военной службой. Соответственно, в тех случаях, когда инвалидность возникла вследствие заболевания или изъян, срок установления (определения) причинной связи между инвалидностью и назначением военной пенсии по инвалидности ограничен пятью годами. Тем самым для данной группы выгодоприобретателей, по сравнению с другой, установлены очевидно неравные, неблагоприятные условия реализации права на военную пенсию по инвалидности.

Согласно статье 2 Закона Республики Армения “О социальной защите инвалидов в Республике Армения”, инвалид — лицо, которое вследствие ограничения жизнедеятельности, обусловленной нарушением здоровья, нуждается в социальной защите.

Согласно статье 62 того же Закона “государственный орган, правомочный в области медико — социальной экспертизы, признает лицо инвалидом исходя из результатов медико — социальной экспертизы в соответствии с требованиями настоящего Закона, а также согласно установленным Правительством Республики Армения классификаторам и критериям установления групп инвалидности, применяемым при медико-социальной экспертизе. Причиной инвалидности могут являться ... заболевание, изъян или травма, полученная во время военной службы.

Данное лицо признается инвалидом в случае выявления какой — либо степени ограничения жизнедеятельности по соответствующей причинной связи, указанной в настоящей статье.

Лицу, признанному инвалидом правомочным в области медико — социальной экспертизы государственным органом, присваивается группа инвалидности (I, II и III группа)” (Сокращено и выделено Конституционным Судом).

Группа инвалидности присваивается в соответствии с применяемыми при медико — социальной экспертизе классификаторами и критериями установления групп инвалидности, установленными Постановлением Правительства от 13 июня 2003 года N 780-п “Об утверждении стандартов медико — социальной экспертизы”.

Указанные положения свидетельствуют о том общем подходе в законодательстве, согласно которому статусы инвалидов дифференцируются или классифицируются только по группам, то есть в соответствии со степенью ограничения жизнедеятельности лица и необходимости социальной защиты, а не в соответствии с причинами возникновения инвалидности (заболевание, изъян, травма).

4.2. Принимая во внимание то обстоятельство, что оспариваемым положением законодатель проявил дифференцированный подход при назначении военнослужащему по причине возникновения инвалидности (заболевание, изъян, травма) военной пенсии по

инвалидности после установления причинной связи между инвалидностью и военной службой, Конституционный Суд считает необходимым рассмотреть оспариваемые правовые регулирования в свете предусмотренных статьями 29 и 83 Конституции положений относительно запрета дискриминации и социального обеспечения.

Статья 29 Конституции, озаглавленная “Запрет дискриминации”, устанавливает, что запрещается дискриминация в зависимости от пола, расы, цвета кожи, этнического или социального происхождения, генетических признаков, языка, религии, мировоззрения, политических или иных взглядов, принадлежности к национальному меньшинству,

имущественного положения, рождения, инвалидности, возраста либо иных обстоятельств личного или социального характера.

Конституционный Суд изложил следующие правовые позиции относительно дискриминации в отношении человека:

1) позитивная конституционная обязанность государства — обеспечить такие условия, которые предоставят людям, имеющим одинаковый статус, равную возможность осуществить, а в случае нарушения — защитить свои права, в противном случае будут нарушены не только конституционные принципы равенства, запрета дискриминации, но и верховенства права и правовой определенности (ПКС — 731);

2) Конституционный Суд в рамках принципа запрета дискриминации считает допустимым любой дифференцированный подход, обусловленный объективным основанием и правомерной целью. Принцип запрета дискриминации не означает, что в рамках лиц одной и той же категории любой дифференцированный подход может перейти в дискриминацию. Нарушением принципа дискриминации является дифференцированный подход, лишенный объективного основания и правомерной цели (ПКС — 881);

3) дискриминация имеет место, когда в рамках одинакового правового статуса в отношении того или иного лица или лиц проявляется дифференцированный подход, в частности они лишаются тех или иных прав или эти права ограничиваются, или они получают привилегии (ПКС — 1224).

Статья 14 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция), закрепляющая запрещение дискриминации, устанавливает, что пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам. Согласно прецедентному праву Европейского

суда по правам человека (ЕСПЧ), для возникновения вопроса запрета дискриминации должно быть различие в обращении с лицами, находящимися в сходных ситуациях. Согласно ЕСПЧ, не каждую дифференциацию или различие можно считать дискриминацией. В частности, в одном из своих решений (*Andrejeva v. Latvia* (GC 18.02.2009, 55707/00, § 81) ЕСПЧ отметил: "...дискриминация означает различное обращение, если не имеет объективного и разумного обоснования, то есть проводимое различие не преследует правомерной цели или несоотносимое с преследуемой правомерной целью".

Хотя в соответствии со статьей 83 Конституции полномочие по уточнению содержания права на социальное обеспечение, в частности права на пенсию (например, размер пенсии, порядок ее назначения и выплаты), предоставлено законодателю, тем не менее Конституция, в числе прочего, исключает вообще негарантирование законом этого права, то есть законодатель обязан принять закон, гарантирующий право на пенсию. Помимо этого, подобный закон не должен нарушать требования Конституции, в частности, он должен быть четким, предсказуемым, не противоречить принципам равноправия и запрета дискриминации.

В контексте вышеизложенного Конституционный Суд констатирует, что законодательные предпосылки реализации права на социальное обеспечение военнослужащих, признанных инвалидами, в данном случае права на военную пенсию по инвалидности должны быть созвучны общим принципам социальной политики государства относительно признанных инвалидами военнослужащих, а любое отклонение от этих принципов должно иметь объективную основу и преследовать правомерную цель.

В ответе, представленном Агентством медико — социальной экспертизы Республики Армения аппарата Министерства труда и социальных вопросов Республики Армения в рамках выполнения требования, направленного судьей — докладчиком Конституционного Суда по настоящему делу, Агентство сообщило, что "с точки зрения медико — социальной экспертизы нет никаких объективных оснований для проявления дифференцированного подхода к заболеванию, изъяну или травме, так как в пункте 1 Постановления Правительства РА N 780-п от 13.06.2003 г. "Об утверждении стандартов медико — социальной экспертизы" установлено, что инвалидность — это социальная недостаточность, вызванная стойким расстройством функций организма, обусловленным заболеваниями, травмами или изъянами, приводящая к ограничению жизнедеятельности лица и вызывающая необходимость его социальной защиты, то есть лицо признается инвалидом не на основании имеющегося у него заболевания, травмы или изъяна, а на основании возникновения у лица вслед-

ствие заболевания, травмы или изъяна ограничения его жизнедеятельности какого — либо типа или степени, обусловленного стойким расстройством функций организма”.

По сути, из вышеизложенного ответа следует, что оспариваемое правовое регулирование также подняло вопрос о нарушении, предусмотренного статьей 28 Конституции основного права на всеобщее равенство перед законом.

Кроме того, Конституционный Суд считает необходимым отметить, что нет никакого объективного основания для проявления оспариваемым правовым положением дифференцированного подхода, в одном случае, на основании заболевания или изъяна, а в другом — на основании травмы, на него в своих объяснениях не сослался также ответчик по настоящему делу, несмотря на то, что посчитал правомерными случаи проявления дифференцированного подхода по объективным основаниям.

То есть независимо от того, на каком основании (заболевания, изъяна или травмы) установлена (определена) причинная связь между инвалидностью и военной службой, признанные инвалидами военнослужащие имеют тот же статус — необходимость социальной защиты вследствие ограничения жизнедеятельности, обусловленного расстройством здоровья.

Конституционный Суд констатирует, что упомянутый дифференцированный подход законодателя нарушает конституционный принцип запрета дискриминации, так как, как уже отмечалось, при назначении военной пенсии по инвалидности после установления причинной связи между инвалидностью и военной службой отсутствует какое — либо объективное основание и правомерная цель дифференцированного подхода, с одной стороны, на основании заболевания или изъяна, а с другой — на основании травмы.

Конституционный Суд в своем Постановлении от 9 июня 2015 года ПКС — 1213 установил, что “...правовые регулирования, закрепленные в законе в рамках признания принципа верховенства права, должны сделать для лица предсказуемыми его правомерные ожидания. Кроме того, принцип правовой определенности, являясь одним из основополагающих принципов правового государства, предполагает также, что действия всех субъектов правоотношений, в том числе носителей власти, должны быть предсказуемыми и законными”.

На основании вышеизложенного Конституционный Суд заявляет, что необходимо признать противоречащими Конституции и недействительными словосочетание “в течение пяти лет” первого предложения части 1 статьи 20 Закона РА “О государственных пенсиях” и второе предложение той же части полностью, тем самым установив для всех случаев лишь одно, наиболее благоприятное правовое регулирование

(относительно назначения военной пенсии по инвалидности без какого — либо ограничения в сроках после установления причинной связи между инвалидностью (заболеванием, изъязном, травмой) и военной службой).

Исходя из результатов рассмотрения дела и принимая за основание пункт 1 статьи 168, часть 4 статьи 169, статью 170 Конституции, согласно статьям 63, 64 и 71 Конституционного закона “О Конституционном Суде”, Конституционный Суд

ПОСТАНОВИЛ:

1. Часть 1 статьи 20 Закона Республики Армения “О государственных пенсиях” в части выражения “в течение пяти лет” и предложения “если причина инвалидности военнослужащего связана с травмой, полученной в период военной службы — до увольнения с военной службы в установленном порядке, то военнослужащему назначается военная пенсия по инвалидности независимо от срока установления (определения) причинной связи инвалидности” признать противоречащей статье 29 Конституции и недействительной.

2. Согласно части 2 статьи 170 Конституции настоящее Постановление окончательно и вступает в силу с момента опубликования.

ОБ ОФИЦИАЛЬНОМ ТОЛКОВАНИИ ПУНКТА 3 СТАТЬИ 42 КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

*Нормативное постановление Конституционного Совета
Республики Казахстан от 15 февраля 2019 года № 1*

Конституционный Совет Республики Казахстан в составе Председателя К.А. Мами, членов Совета А.К. Даулбаева, В.А. Малиновского, И.Д. Меркеля, Р.Ж. Мукашева, А.А. Темербекова и У. Шапак с участием: представителя Правительства Республики Казахстан — Министра юстиции Республики Казахстан М.Б. Бекетаева, представителя Сената Парламента Республики Казахстан — Председателя Комитета по конституционному законодательству, судебной системе и правоохранительным органам Г.В. Кима, представителя Мажилиса Парламента Республики Казахстан — депутата Мажилиса Парламента Республики Казахстан А.Н. Жаилгановой, представителя Верховного Суда Республики Казахстан — судьи Верховного Суда Республики Казахстан Н.У. Сисеновой, представителя Генеральной прокуратуры Республики Казахстан — заместителя Генерального Прокурора Республики Казахстан М.М. Ахметжанова, заведующего Государственно — правовым отделом Администрации Президента Республики Казахстан Д.В. Вагапова рассмотрел в открытом заседании обращение Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева об официальном толковании пункта 3 статьи 42 Конституции Республики Казахстан.

Заслушав сообщение докладчика — члена Конституционного Совета Республики Казахстан В.А. Малиновского, выступления участников заседания, экспертов — С.К. Амандыковой и С.Ф. Ударцева, ознакомившись с заключением эксперта Е.К. Кубеева; изучив другие материалы конституционного производства, проанализировав законодательство и практику отдельных зарубежных стран, Конституционный Совет Республики Казахстан

УСТАНОВИЛ:

В Конституционный Совет Республики Казахстан 1 февраля 2019 года поступило обращение Президента Республики Казахстан об официальном толковании пункта 3 статьи 42 Конституции Республики Казахстан, в котором поставлен следующий вопрос: “Является ли исчерпывающим установленный пунктом 3 статьи 42 Конституции

Республики Казахстан перечень оснований досрочного прекращения полномочий Президента Республики Казахстан?”.

Проанализировав нормы Основного Закона применительно к предмету обращения, Конституционный Совет исходит из следующего.

1. В соответствии с Конституцией Президент Республики Казахстан является главой государства, его высшим должностным лицом, определяющим основные направления внутренней и внешней политики государства. Как символ и гарант единства народа и государственной власти, незыблемости Конституции, прав и свобод человека и гражданина, Президент Республики обеспечивает согласованное функционирование всех ветвей государственной власти и ответственность органов власти перед народом (статья 40 Основного Закона).

Будучи единственным персонифицированным высшим представителем народа, наделенным верховной властью на всеобщих выборах, Глава государства принимает меры по защите суверенитета, независимости государства, претворению в жизнь основополагающих принципов деятельности Республики, достижению целей и реализации ценностей, закрепленных в Основном Законе (нормативные постановления Конституционного Совета от 24 февраля 2015 года № 2, от 9 марта 2017 года № 1 и другие).

Конституция закрепляет неприкосновенность Президента Республики, основания досрочного прекращения его полномочий и другие гарантии, которые обеспечивают непрерывность и надлежащее осуществление Главой государства возложенных на него функций в интересах народа Казахстана.

Согласно пункту 3 статьи 42 Конституции полномочия Президента Республики прекращаются с момента вступления в должность вновь избранного Президента Республики, а также в случае досрочного освобождения или отрешения Президента от должности либо его кончины.

В данной конституционной норме предусмотрены случаи (основания) прекращения полномочий Президента Республики, в том числе до истечения срока, на который он был избран.

В целом из содержания пункта 3 статьи 42 Конституции усматривается, что досрочное прекращение президентских полномочий — это следствие возникновения отдельных обстоятельств экстраординарного характера, влекущих преждевременное погашение выданного народом мандата высшего должностного лица на руководство государством.

Вступление в должность вновь избранного Президента Республики является основанием для досрочного прекращения полномочий Президента Республики в случае проведения внеочередных президент-

ских выборов в порядке, определенном пунктом 3 — 1 статьи 41 Конституции.

Досрочное освобождение от должности Главы государства связано с устойчивой неспособностью осуществления им своих обязанностей по болезни. Это предполагает наличие такого постоянного и необратимого расстройства функций организма, которое препятствует надлежащему выполнению полномочий Президента Республики. Процедура установления данного обстоятельства и порядок прекращения президентских полномочий по этому основанию закреплены пунктом 1 статьи 47 Конституции.

Отрешение Президента Республики от должности в качестве основания, влекущего преждевременное прекращение его полномочий, обусловлено только фактом совершения Главой государства государственной измены. Порядок выдвижения обвинения, организации его расследования и принятия окончательного решения регламентирован пунктом 2 статьи 47 Основного Закона.

Такое обстоятельство, как смерть человека, носит объективный характер и является естественным основанием досрочного прекращения полномочий Президента Республики, поскольку прекращается предусмотренная пунктом 1 статьи 13 Конституции общая правосубъектность лица как гражданина Республики Казахстан.

Досрочное освобождение от должности Президента Республики по болезни и отрешение его от должности представляют собой меры вынужденного принудительного воздействия на высшее должностное лицо вне зависимости от его волеизъявления в рамках принципа единства и разделенности государственной власти, механизма сдержек и противовесов. Соответственно, в качестве гарантии от злоупотребления другими ветвями власти данными экстраординарными механизмами в обоих случаях в пунктах 1 и 2 статьи 47 предусмотрено наличие заключения Конституционного Совета о соблюдении установленных конституционных процедур.

Конституционный Совет полагает, что пункт 3 статьи 42 Конституции Республики не содержит полный перечень оснований досрочного прекращения полномочий Президента Республики Казахстан. В частности, он прямо не предусматривает и в то же время не запрещает досрочное прекращение полномочий Главы государства на основании его персонального волеизъявления, к примеру, в форме отставки, обусловленной причинами личного и иного характера. Названное основание охватывается содержанием использованного в данной норме словосочетания “а также в случае досрочного освобождения... Президента от должности...”, которое имеет широкий смысл.

Конституционный Совет считает, что право Главы государства на досрочное прекращение своих полномочий по личным основаниям

(право на отставку) является неотъемлемым элементом президентской формы правления и конституционного статуса Президента Республики Казахстан. Свобода волеизъявления присуща Президенту Республики и как человеку, и как гражданину Казахстана, и вытекает также из содержания пункта 1 статьи 13, пункта 1 статьи 24 и иных норм Конституции. Данный вывод поддержан представителями всех государственных органов и экспертами, участвовавшими в заседании Совета.

2. Конституцией Республики Казахстан и принятыми на ее основе законами закреплены различные разновидности досрочного прекращения полномочий государственных органов либо их служащих.

Так, пунктом 5 статьи 52 Основного Закона установлено, что “полномочия депутата Парламента прекращаются в случаях подачи в отставку, его смерти, признания депутата по вступившему в законную силу решению суда недееспособным, умершим или безвестно отсутствующим и иных предусмотренных Конституцией и конституционным законом случаях”. Данной статьей определены также и другие основания досрочного прекращения мандата депутатов Парламента и депутатов Мажилиса.

В соответствии с пунктом 2 статьи 58 Конституции председатели Палат Парламента могут быть отозваны от должности, а также вправе подать в отставку.

Более подробно Конституцией урегулированы отношения досрочного прекращения полномочий Правительства и его членов, в том числе в форме отставки (пункт 1 статьи 68, статья 70).

Конституционным законом Республики Казахстан от 25 декабря 2000 года “О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан” среди оснований прекращения полномочий председателя судебной коллегии и судьи предусмотрен уход судьи в отставку (подпункт 1 пункта 1 статьи 34). При этом отставкой является прекращение полномочий судьи в форме почетного ухода с должности судьи, имеющего безупречную репутацию, стаж судейской работы не менее двадцати лет, с сохранением за ним звания судьи, принадлежности к судейскому сообществу, гарантии личной неприкосновенности и иных материальных и социальных гарантий (пункт 1 статьи 35).

Согласно Закону Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года “О государственной службе Республики Казахстан” прекращение государственной службы возможно в случае отставки, под которой понимается прекращение исполнения обязанностей на соответствующей государственной должности политическим государственным служащим, осуществляемое на основании его письменного заявления (пункт 1 статьи 60).

По мнению Конституционного Совета, закрепление в Конституции и законах перечня оснований, процедур и правовых последствий досрочного прекращения полномочий государственных органов либо должностных лиц зависит от их предназначения, функций, полномочий и организации деятельности. Оно может быть наложено на государственно — властного субъекта в качестве конституционно — правовой санкции за его ненадлежащую деятельность, либо вообще не связано с привлечением к ответственности и более того — выступать формой почетного признания заслуг носителя публичной власти, прекратившего свои полномочия.

3. Институт отставки глав государств, ее основания, порядок осуществления, юридические последствия и применяемые в дальнейшем процедуры предусматриваются в различном объеме в конституциях ряда зарубежных стран. Исходя из национальных особенностей, в одних случаях предусмотрено прохождение прошения президента об отставке через парламент, обсуждение и принятие решения депутатским корпусом, в других — достаточно обнаружения заявления главы государства. Разнятся и последующие действия государственных органов.

В результате научно — практического анализа содержания пункта 3 статьи 42 в его системном единстве с нормами статей 47 и 48 и другими положениями Конституции Республики, с учетом последовательного реформирования Основного Закона Казахстана и зарубежного опыта, Конституционный Совет полагает, что принятый в действующей Конституции Республики Казахстан подход по закреплению института досрочного прекращения полномочий Главы государства (в рамках механизма сдержек и противовесов и по личному волеизъявлению) обеспечивает надлежащее функционирование верховной власти при наступлении любых оснований, предусмотренных в пункте 3 статьи 42 Конституции, включая использование Президентом Республики своего права на подачу в отставку.

На основании изложенного, руководствуясь подпунктом 4) пункта 1 статьи 72 Конституции Республики Казахстан, подпунктом 1) пункта 3 статьи 17, статьями 31 — 33, 37 и подпунктом 2) пункта 1 статьи 41 Конституционного закона Республики Казахстан от 29 декабря 1995 года “О Конституционном Совете Республики Казахстан”, Конституционный Совет Республики Казахстан

ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Перечень оснований досрочного прекращения полномочий Президента Республики Казахстан, установленный пунктом 3 статьи 42 Конституции Республики Казахстан, не является исчерпывающим.

2. Из конституционного статуса Президента Республики Казахстан вытекает его право на прекращение полномочий согласно собственному волеизъявлению, которое является самостоятельным основанием досрочного прекращения полномочий Главы государства.

3. Согласно пункту 3 статьи 74 Конституции Республики Казахстан нормативное постановление вступает в силу со дня его принятия, является общеобязательным на всей территории Республики, окончательным и обжалованию не подлежит.

4. Опубликовать настоящее нормативное постановление на казахском и русском языках в официальных республиканских печатных изданиях.

ОБ ОФИЦИАЛЬНОМ ТОЛКОВАНИИ ПУНКТА 2 СТАТЬИ 41 КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

*Нормативное постановление Конституционного Совета
Республики Казахстан от 25 апреля 2019 года № 4*

Конституционный Совет Республики Казахстан в составе Председателя К.А. Мами, членов Совета А.К. Даулбаева, В.А. Малиновского, И.Д. Меркеля, Р.Ж. Мукашева, А.А. Темербекова и У. Шапак с участием: представителя Администрации Президента Республики Казахстан — заместителя Руководителя Администрации Президента Республики Казахстан А.Г. Ракишевой,

представителя Правительства Республики Казахстан — Министра юстиции Республики Казахстан М.Б. Бекетаева,

представителя Сената Парламента Республики Казахстан — Председателя Комитета по конституционному законодательству, судебной системе и правоохранительным органам Г.В. Кима,

представителя Мажилиса Парламента Республики Казахстан — депутата Мажилиса Парламента Республики Казахстан А.Н. Жаилгановой,

представителя Министерства внутренних дел Республики Казахстан — первого заместителя Министра внутренних дел Республики Казахстан М.Ш. Кожаева,

представителя Генеральной прокуратуры Республики Казахстан — заместителя Генерального Прокурора Республики Казахстан М.М. Ахметжанова,

представителя Министерства иностранных дел Республики Казахстан — заместителя Министра иностранных дел Республики Казахстан Р.Ю. Василенко,

представителя Верховного Суда Республики Казахстан — судьи Верховного Суда Республики Казахстан Ж.Б. Ермагамбетовой

рассмотрел в открытом заседании обращение Президента Республики Казахстан К.К. Токаева об официальном толковании пункта 2 статьи 41 Конституции Республики Казахстан.

Заслушав сообщение докладчика — члена Конституционного Совета Республики Казахстан Р.Ж. Мукашева, выступления участников заседания, экспертов — Е.Б. Абдрасулова и М.М. Дауленова, изучив другие материалы конституционного производства, проанализировав законодательство и практику отдельных зарубежных стран, Конституционный Совет Республики Казахстан

У С Т А Н О В И Л:

В Конституционный Совет Республики Казахстан 23 апреля 2019 года поступило обращение Президента Республики Казахстан об официальном толковании пункта 2 статьи 41 Конституции Республики Казахстан, в котором поставлены следующие вопросы:

1) ”как следует понимать данную норму в части слов “Президентом Республики Казахстан может быть избран гражданин Республики..., проживающий в Казахстане последние пятнадцать лет...”?”;

2) “засчитывается ли в указанный срок время проживания гражданина за пределами страны в период работы в заграничных учреждениях Республики Казахстан и международных организациях, членами которых является Республика Казахстан?”

При толковании рассматриваемой нормы Основного Закона применительно к предмету обращения Конституционный Совет исходит из следующего.

1. Различные меры, способствующие должной реализации гражданами их права на участие в управлении делами государства непосредственно через свободные выборы, установлены нормами Конституции и Конституционного закона Республики Казахстан от 28 сентября 1995 года “О выборах в Республике Казахстан”. В числе таковых требования, предъявляемые к кандидатам на выборные должности Президента Республики, депутатов Парламента и местных представительных органов.

Конституционным Советом неоднократно давалось официальное толкование различных аспектов пассивного и активного избирательного права.

В ряде решений Конституционного Совета отмечалось, что требования Конституции к гражданам страны, осуществляющим пассивное избирательное право, значительно выше, чем к остальному большинству избирателей, поскольку им предстоит нести бремя законодательства и государственных решений. Они направлены на защиту тех конституционных ценностей, в интересах которых Основной Закон допускает ограничения прав граждан, и являются обоснованными (нормативное постановление от 9 апреля 2004 года № 5, дополнительное постановление от 25 августа 2004 года № 9 и другие).

2. Установленное в пункте 2 статьи 41 Конституции для кандидатов в Президенты Республики требование проживания в Казахстане последние пятнадцать лет обусловлено ответственной миссией и функциями Главы государства, закрепленными в статье 40, а также полномочиями, предусмотренными в статье 44 и иных положениях Основного Закона.

Президент Республики выступает единственным персонифицированным высшим представителем народа Казахстана. Являясь Главой государства, его высшим должностным лицом, Президент Республики определяет основные направления внутренней и внешней политики государства. Всенародно избранный Президент является символом и гарантом единства народа и государственной власти, незыблемости Конституции, прав и свобод человека и гражданина, обеспечивает согласованное функционирование всех ветвей государственной власти и ответственность органов власти перед народом (статья 40).

Решения и действия Президента Республики... должны быть направлены на достижение целей и обеспечение ценностей, сформулированных в Преамбуле и Разделе I “Общие положения”, а также других положениях и нормах Конституции (нормативное постановление Конституционного Совета от 24 февраля 2015 года № 2).

Для высшего должностного лица является принципиально важным доскональное владение информацией об общественно — политической и социально — экономической ситуации в стране, национальной специфике государства, проведенных реформах и достигнутых результатах. С их учетом будущим Главой государства должны быть определены направления стратегических и тактических программ дальнейшей эволюции общества и государства. С такой целью Законом Республики Казахстан от 21 мая 2007 года “О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан” в пункте 2 статьи 41 слова “не менее пятнадцати лет” заменены словами “последние пятнадцать лет” и тем самым усилен ценз оседлости.

В силу указанных обстоятельств Конституционный Совет считает объективно необходимым и принципиально важным требование о проживании кандидата в Президенты на территории Казахстана на постоянной основе в течение длительного периода, предшествующего выборам. Аналогичное требование установлено конституциями многих зарубежных стран.

3. Определение срока проживания тесно связано с понятием места жительства лица. Согласно пункту 1 статьи 16 Гражданского кодекса Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 года местом жительства признается тот населенный пункт, где гражданин постоянно или преимущественно проживает. Как правило, данный факт подтверждается регистрацией гражданина по месту жительства (подпункт 1) пункта 2 статьи 51 Закона Республики Казахстан от 22 июля 2011 года “О миграции населения”).

Применительно к поставленным субъектом обращения вопросам Конституционный Совет считает, что в пятнадцатилетний срок проживания в первую очередь входит время постоянного проживания лица на территории страны вне зависимости от конкретной администра-

тивно — территориальной единицы и частоты смены места жительства. Такой вывод следует также из пункта 1 статьи 21 Конституции, согласно которому каждому, кто законно находится на территории Республики Казахстан, принадлежит право свободного передвижения по ее территории и свободного выбора местожительства, кроме случаев, оговоренных законом.

Конституционный Совет полагает, что в установленный пунктом 2 статьи 41 Конституции срок засчитываются и периоды проживания за пределами Республики Казахстан граждан, относящихся к персоналу дипломатической службы Республики Казахстан и приравненных к ним лиц, а также назначенных в соответствии с закрепленными за государством квотами на должности при международных организациях, членами которых является Республика Казахстан.

Сотрудники и работники дипломатической службы страны являются государственными служащими и осуществляют свои должностные полномочия в целях реализации внешней политики Казахстана, положений и норм Конституции в сфере международных отношений. Надлежащее решение возложенных на них задач предполагает знание ими основных направлений и состояния реализации проводимой государственной политики Республики.

Как равноправный член международного сообщества, разделяющий общепризнанные его ценности, Казахстан на добровольной договорной основе участвует в деятельности международных организаций и их органов. Направляя своих граждан на работу в международные организации, Республика Казахстан также реализует свои обязательства, закрепленные в статье 8 Основного Закона.

Такой государственный интерес имеется и к деятельности некоторых других категорий граждан Республики, занимающих руководящие должности в международных организациях на иных началах. С учетом предшествовавшего их международной миссии продолжительного опыта государственной и дипломатической службы Республики Казахстан, высоких профессиональных качеств и заслуг перед государством эти должностные лица приравниваются к персоналу заграничных учреждений страны, а период работы в международных организациях засчитывается в сроки пребывания сотрудников в дипломатических рангах и стаж государственной службы (подпункт 5) пункта 2 статьи 12, статья 32 — 1 Закона Республики Казахстан от 7 марта 2002 года “О дипломатической службе Республики Казахстан” и другие).

4. Выезд из страны по данным основаниям не влечет прекращения казахстанского гражданства и изменения места постоянного проживания. В указанных случаях гражданин, пребывающий вне пределов Республики, при условии отсутствия сведений о выезде из страны на постоянное место жительства, о приобретении или об

обращении за получением гражданства другого государства, политического или иного убежища, считается временно проживающим в соответствующем государстве. Такое положение лица не предполагает какое-либо снижение уровня устойчивой политико — правовой связи гражданина с Казахстаном, вытекающей из института гражданства. Пребывающий вне пределов страны гражданин находится под защитой и покровительством Республики и на него распространяется весь объем прав, свобод и обязанностей гражданина Казахстана (пункт 2 статьи 11, пункты 1 и 3 статьи 12 Конституции).

Такой подход реализован и в действующем законодательстве.

Проживание гражданина Республики Казахстан за пределами Республики не влечет прекращения гражданства Республики Казахстан (статья 7 Закона Республики Казахстан от 20 декабря 1991 года “О гражданстве Республики Казахстан”).

Согласно Закону Республики Казахстан “О миграции населения” к гражданам Республики Казахстан, выезжающим в другое государство для временного проживания, относятся персонал заграничных учреждений Республики Казахстан, военнослужащие, выполняющие миротворческий долг, назначенные в соответствии с закрепленными за Республикой Казахстан квотами на должности при международных организациях (подпункт 2 статьи 54).

Физическое лицо, являющееся гражданином Республики Казахстан, командированное за рубеж органами государственной власти, в том числе сотрудник дипломатических, консульских учреждений, международных организаций, признается резидентом Республики Казахстан (подпункт 1 пункта 4 статьи 217 Кодекса Республики Казахстан от 25 декабря 2017 года “О налогах и других обязательных платежах в бюджет” (Налоговый кодекс)).

Лица, у которых исполнение служебных обязанностей связано с длительным (более одного года) проживанием вне места жительства (при наличии подтверждающего документа), учитываются на весь срок, необходимый для исполнения обязанностей без снятия с регистрации по месту жительства (пункт 13 Правил регистрации внутренних мигрантов, утвержденных постановлением Правительства Республики Казахстан от 1 декабря 2011 года № 1427).

Согласно части третьей пункта 2 статьи 54 Конституционного закона Республики Казахстан “О выборах в Республике Казахстан” факт проживания последние пятнадцать лет в Республике Казахстан кандидата в Президенты устанавливается Центральной избирательной комиссией. В каждом конкретном случае решение должно приниматься на основании анализа документально подтвержденных фактических обстоятельств.

На основании изложенного, руководствуясь подпунктом 4 пункта 1 статьи 72 Конституции Республики Казахстан, подпунктом 1 пункта 3 статьи 17, статьями 31 — 33, 37 и подпунктом 2 пункта 1 статьи 41 Конституционного закона Республики Казахстан от 29 декабря 1995 года “О Конституционном Совете Республики Казахстан”, Конституционный Совет Республики Казахстан

ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Норму пункта 2 статьи 41 Конституции Республики Казахстан в части слов “Президентом Республики Казахстан может быть избран гражданин Республики..., проживающий в Казахстане последние пятнадцать лет...” следует понимать таким образом, что кандидатом в Президенты Республики может быть зарегистрирован гражданин, постоянно проживающий на территории Республики Казахстан последние пятнадцать лет.

2. В установленный пятнадцатилетний срок могут быть включены и периоды проживания за пределами Республики персонала дипломатической службы Республики Казахстан и приравненных к ним лиц, назначенных (избранных) на должности при международных организациях, членами которых является Казахстан.

3. Согласно пункту 3 статьи 74 Конституции Республики Казахстан нормативное постановление вступает в силу со дня его принятия, является общеобязательным на всей территории Республики, окончательным и обжалованию не подлежит.

4. Опубликовать настоящее нормативное постановление на казахском и русском языках в официальных республиканских печатных изданиях.

КОНСТИТУЦИОННАЯ ПАЛАТА ВЕРХОВНОГО СУДА КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Обзор решений Конституционной палаты, принятых в 2018 году

В 2018 г. в Конституционную палату поступило 73 обращения. По поступившим обращениям и жалобам Конституционной палатой принято 8 постановлений и 8 решений, из них:

— решений о признании нормативных правовых актов непротиворечащими Конституции — 2;

— решений о признании оспариваемых нормативных правовых актов противоречащими или частично противоречащими Конституции — 6, где в 4 из них содержатся поручения по внесению соответствующих изменений в законодательство Кыргызской Республики.

1. Решением от 24 января 2018 года Конституционная палата дала оценку конституционности части 1 статьи 102, пункта 2 статьи 135, пункта 7 части 1 статьи 138, абзацев первого и седьмого части 1 статьи 249, части 5 статьи 325, пункта 4 части 1 статьи 329, части 5 статьи 354, пункта 5 части 1 статьи 357 Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики в части обязательности уплаты государственной пошлины при подаче заявлений, апелляционных и кассационных жалоб, а также возврата поданных заявлений, апелляционных и кассационных жалоб в случае непредставления доказательств уплаты государственной пошлины.

Обосновывая конституционность указанных норм, Конституционная палата отметила, что расходы, связанные с рассмотрением дела в суде, оплачиваются сторонами, во всяком случае, если законом не установлено, когда правосудие осуществляется бесплатно.

Это вытекает из конституционной нормы, определяющей, что правосудие осуществляется бесплатно в предусмотренных законом случаях, а также в любом случае, когда участвующие в судебном разбирательстве лица предъявят доказательства, что не имеют достаточных средств для его ведения (статья 103 Конституции).

Из указанного конституционного установления следует, что не во всех случаях отправление правосудия осуществляется бесплатно. Взыскание государственной пошлины преследует компенсационную и превентивную цели. Если компенсационная цель обеспечивает возмещение части государственных средств, выделяемых на содержание судов, то превентивная, в свою очередь, предупреждает неосновательные обращения в суд и побуждает лиц к добровольному исполнению обязанностей перед управомоченными лицами.

Вместе с тем, отсутствие у заинтересованного лица возможности, в силу его имущественного положения, исполнить такую обязанность не должно препятствовать осуществлению им права на судебную защиту, поскольку иное вступало бы в противоречие с положениями Конституции, гарантирующими судебную защиту прав и свобод человека и гражданина. В этой связи, Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики (статья 105), находясь в непосредственной связи с законодательством о государственной пошлине, устанавливает случаи, когда отдельным субъектам гражданских процессуальных правоотношений предоставляется возможность по освобождению от уплаты государственной пошлины полностью или частично, а также отсрочке и рассрочке ее уплаты.

Следовательно, наличие процессуальных норм, предусматривающих освобождение полностью или частично, отсрочку и рассрочку уплаты государственной пошлины, а также ее возврата предполагает должное их правовое регулирование для обеспечения реального доступа к суду. Вместе с тем, немаловажным фактором в способности лица оплатить государственную пошлину выступает также ее размер.

Согласно законодательству о государственной пошлине ставки государственной пошлины устанавливаются Правительством Кыргызской Республики с согласия Жогорку Кенеша Кыргызской Республики (статья 4 Закона “О государственной пошлине”). При этом ставки государственной пошлины должны отражать разумные пределы и не обременять лицо таким образом, чтобы их уплата становилась реальным препятствием доступа к правосудию.

Соответственно, определение должного баланса между интересами лица, обращающегося в суд за защитой своих нарушенных прав и интересами правосудия, является необходимым условием для законодателя, чтобы определить разумные пределы ставок государственной пошлины и четкий порядок предоставления льгот по ее уплате. В свете изложенного, Конституционная палата пришла к выводу, что вопрос установления требования по уплате государственной пошлины при обращении в суд по гражданским делам является дискрецией законодателя, которая вытекает из вышеуказанной конституционной нормы, и не является нарушением права на доступ к правосудию и, как следствие, не ограничивает права лица на судебную защиту и права на повторное рассмотрение дела вышестоящим судом.

2. Решением от 14 февраля 2018 года Конституционная палата признала пункты 1, 2, 3, 4 части 4 статьи 19 Закона Кыргызской Республики “Об Адвокатуре Кыргызской Республики и адвокатской деятельности”, предусматривающие освобождение от сдачи квалификационного экзамена для получения лицензии на право занятия

адвокатской деятельностью лиц, имеющих пятилетний стаж работы в следственных подразделениях правоохранительных органов, в качестве судьи, в отделах аппаратов Президента, Жогорку Кенеша, Правительства на должностях, требующих наличие высшего юридического образования, а также в качестве депутата Жогорку Кенеша, имеющего высшее юридическое образование, противоречащими части 3 статьи 16 Конституции Кыргызской Республики.

В своем решении Конституционная палата отметила, что государство, при выполнении конституционно значимой задачи по построению эффективной системы правосудия и обеспечения всеобщего доступа к средствам квалифицированной юридической помощи, не может обойтись без специальной системы отбора лиц, на которых будет возложено предоставление юридической помощи. Государство, учитывая публичную значимость оказания квалифицированной юридической помощи, обязано устанавливать определенные профессиональные и иные требования к адвокатам, а также определять необходимые условия допуска тех или иных лиц к профессиональной адвокатской деятельности, поскольку от качества оказываемой ими юридической помощи зависит эффективность защиты прав и свобод человека и гражданина.

Ввиду этого, представляется вполне оправданным отнесение адвокатской деятельности к лицензируемым видам деятельности, а к основным принципам лицензирования — принцип равных оснований и условий выдачи лицензий, как логическое продолжение конституционного принципа равенства в законодательстве (пункт 2 части 2 статьи 5, пункт 37 статьи 15 Закона “О лицензионно — разрешительной системе в Кыргызской Республике”). Законодатель, исходя из норм и духа Конституции, в своей нормотворческой деятельности обязан строго придерживаться принципов равноправия и недискриминации как выражение и внедрение в жизнь общества идеи социальной справедливости.

Это означает, что за исключением очевидно необходимых случаев, все люди должны обладать одинаковым правовым статусом, то есть иметь права, свободы и обязанности одинакового объема и содержания, а также одинаковые возможности по их реализации и защите. Допустимость и целесообразность установления в правовых нормах соразмерных различий в юридическом статусе разных категорий лиц, в частности, закрепления для отдельных из них льгот или привилегий, возможно исключительно в целях “позитивной дискриминации”, когда посредством применения принципа формального равноправия добиться справедливого положения вещей в какой — либо сфере общественной жизни или по отношению к какой — либо категории лиц становится не возможным.

Другими словами, “позитивная дискриминация” означает совершение государством позитивных действий, направленных на установление фактического равноправия в обществе посредством предоставления повышенных гарантий более уязвимым по каким —либо признакам категориям лиц. Это меры по предоставлению последним не которых преимуществ, которые позволят создать им равные возможности с другими социальными группами в обществе при удовлетворении экономических, социальных, духовных и иных потребностей человека.

При этом нарушением принципа равноправия и недискриминации является не сам факт наличия в законодательстве отступлений от него, а установление ничем не оправданных привилегий для отдельных категорий граждан. Таким образом, установленные законодателем отступления из общего правила, создавая исключительные возможности для лиц, перечисленных в пунктах 1, 2, 3, 4 части 4 статьи 19 Закона Кыргызской Республики “Об Адвокатуре Кыргызской Республики и адвокатской деятельности”, не имеют объективного и разумного оправдания и не соотносятся с конституционно значимыми целями, ставит их в неравное правовое положение по отношению к иным субъектам и создает правовую основу для неравенства (решение не исполнено).

3. Решением от 4 апреля 2018 года Конституционная палата дала оценку конституционности нормативного положения части 2 статьи 206 Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики, предусматривающего право суда по своей инициативе или по заявлению лиц, участвующих в деле, исправлять допущенные в решении описки и явные арифметические ошибки.

Обосновывая конституционность оспариваемой нормы, Конституционная палата отметила, что судебные ошибки предполагают неправильное применение судами норм материального или процессуального права, без устранения которых вышестоящим судом невозможно восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защищаемых законом публичных интересов.

Судебная ошибка зачастую приводит к несовпадению результата деятельности суда с целевыми установками судопроизводства, закрепленными в нормах процессуального права. Между тем, вышестоящий суд призван обеспечивать исправление судебных ошибок, при выявлении которых отменяет или изменяет существо обжалуемого акта нижестоящего суда. Тогда как устранение описок и явных арифметических ошибок судом вынесшим решение не влечет изменения сути (содержания) самого решения. Ошибки технического характера, допущенные судами в виде описок и явных арифметических ошибок, нельзя

классифицировать и ставить в один ряд с неправильным применением норм права.

Однако описки приводят к искажению слов, а иногда и смысла отдельных частей решения, усложняют реализацию прав и обязанностей участвующих в деле лиц. Явные арифметические ошибки являются следствием неправильных арифметических действий и приводят к ошибкам в определении суммы, подлежащей взысканию.

Поэтому суд вправе рассмотреть вопрос об исправлении описок и явных арифметических ошибок, допущенных в решении суда путем вынесения определения, не изменяя существа решения. Именно это условие является ключевым при разграничении судебной ошибки от ошибки технического характера, определяемой как описка и явная арифметическая ошибка. Такое разрешение указанного вопроса в полной мере соответствует свойству обязательности судебного акта, предполагающего его неукоснительное исполнение.

4. Решением от 30 мая 2018 года Конституционная палата признала пункт 8 части первой статьи 46 Закона Кыргызской Республики “О внешней миграции” противоречащей Конституции. Оспариваемая норма устанавливает, что, если в отношении заявителя предъявлен гражданский иск в суд, до окончания производства по делу, гражданину может быть временно отказано в выезде из Кыргызской Республики.

Согласно части 2 статьи 25 Конституции Кыргызской Республики каждый имеет право свободно выезжать за пределы Кыргызской Республики. Право свободного выезда за пределы страны представляет собой одно из наиболее существенных проявлений индивидуальной свободы человека и служит предпосылкой полноценной реализации иных прав и свобод, в том числе права на труд, права на экономическую свободу, свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, на удовлетворение духовных и иных потребностей.

Другими словами, возможность свободного выезда из страны лежит в основе полноценной человеческой жизнедеятельности и признания государством достоинства личности. При этом Конституция Кыргызской Республики, предусматривая повышенный уровень гарантий прав и свобод человека и гражданина, допускает возможность их ограничения, но, исключительно в той мере, в какой это необходимо в определенных ею целях, и лишь в установленном законом порядке.

Между тем, сущность вышеназванного конституционного установления состоит в недопустимости произвольного воздействия на права и свободы человека и исключительности возможных ограничений. То есть, во — первых, ограничения должны устанавливаться путем законодательного закрепления оснований и порядка применения,

во — вторых, должны быть соразмерны конституционно значимым целям и, в — третьих, приняты в условиях, когда иными правовыми средствами разрешение отдельных проблем правового регулирования становится невозможным.

Соответственно, правовой режим ограничения права на свободу выезда за пределы Кыргызской Республики может вводиться с учетом необходимости достижения баланса интересов личности и государства в соответствующих сферах государственной и общественной жизни. Цель, преследуемая оспариваемой нормой, заключается в обеспечении правильного и своевременного рассмотрения и разрешения гражданских дел, равных прав и возможностей участников судебного процесса. Для достижения этих целей гражданским процессуальным законодательством предусмотрены также и иные правовые механизмы, направленные на обеспечение иска и право каждого на судебную защиту.

В частности, законодатель предусмотрел институт представительства; возможность наложения ареста на имущество, денежные средства, принадлежащие ответчику в пределах суммы иска и судебных расходов; рассмотрения дел без участия одной из сторон, извещенных надлежащим образом; допустимость заочного судопроизводства (статьи 57, 144, 169, 234, Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики).

Соответственно, гражданское процессуальное законодательство содержит необходимые правовые механизмы для достижения целей правосудия и обеспечения права каждого на судебную защиту. В таких условиях введение такого ограничения не является обоснованным и необходимым, и не может служить причиной ограничения субъективных прав человека и гражданина (решение не исполнено).

5. Решением от 19 сентября 2018 года Конституционная палата признала подпункт “ч” пункта 106 Положения о прохождении службы рядовым и начальствующим со ставом органов внутренних дел Кыргызской Республики, утвержденного постановлением Правительства Кыргызской Республики от 20 июня 2013 года № 360 противоречащей части 2 статьи 20 Конституции. Оспариваемая норма устанавливает основания увольнения сотрудника органов внутренних дел в запас (с постановкой на воинский учет), в связи с осуждением близких родственников сотрудника за особо тяжкие преступления, а также при признании их, в судебном порядке, членами организованных преступных группировок.

В своем решении Конституционная палата отметила, что одним из фундаментальных основ неукоснительного соблюдения прав человека являются принципы недискриминации и равенства всех перед законом и судом, которые гарантированы Конституцией (абзац второй части 2 статьи 16).

Вместе с тем, Конституция допускает возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина в конституционно значимых целях, от которых зависит безопасность всего общества и благоприятность условий его существования. Увольнение сотрудника органов внутренних дел Кыргызской Республики в запас (с постановкой на воинский учет) в связи с осуждением близких родственников сотрудника за особо тяжкие преступления, а также при признании их, в судебном порядке, членами организованных преступных группировок, является ограничением права на службу в органах внутренних дел. Такие ограничения допустимы согласно Конституции исключительно законом.

Однако, оспариваемая норма введена подзаконным актом, что является недопустимым в силу требований абзаца второй части 2 статьи 20 Конституции Кыргызской Республики. Конституционная палата также отметила, что оспариваемая норма носит достаточно обобщенный характер и не учитывает все аспекты правоотношений, на которые направлено его регулятивное воздействие, что приводит к формальному правоисполнению и его несоразмерности преследуемым целям. Подобные ограничения, обусловленные особенностями службы в правоохранительных органах, должны быть дифференцированы и детальны, учитывать все возможные риски нарушения конституционных принципов и порождения новой несправедливости.

В этой связи, Конституционная палата, признавая оспариваемую норму неконституционной, поручила Правительству инициировать изменения в действующее правовое регулирование порядка увольнения сотрудников органов внутренних дел, исходя из правовой позиции, выраженной в мотивировочной части принятого решения.

6. Решением от 3 октября 2018 года Конституционная палата признала статью 12 Закона “О гарантиях деятельности Президента Кыргызской Республики” противоречащей части 3 статьи 16 Конституции в той мере в какой эта норма не предусматривает процедуру привлечения к ответственности экс — президента за деяния, совершенные им в период исполнения полномочий Президента Кыргызской Республики. Оспариваемая норма гарантирует неприкосновенность лицам имеющим статус экс — президента Кыргызской Республики. В своем решении Конституционная палата отметила, что одним из неотъемлемых принципов правового государства является принцип равенства всех перед законом и судом (часть 3 статьи 16 Конституции).

В тоже время Конституция допускает некоторое отступление от принципа равенства в целях выполнения конституционно значимых задач, затрагивающих публичные интересы. Такое отступление возможно в связи необходимостью предоставления правового иммунитета отдельным должностным лицам, обладающим конституционно — правовым статусом и выполняющим государственно значи-

мые функции. Глава государства соответственно его конституционно — правовому статусу наделен таким объемом полномочий, который обеспечивает единство и устойчивость системы государственной власти, ее эффективного функционирования в условиях разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную ветви.

В связи с чем, в силу содержания и характера задач, возложенных на главу государства, Конституция предоставила ему правовой иммунитет посредством установления особого порядка привлечения его к ответственности. В условиях демократического государства, имеющего свойство легитимной смены власти путем выборов, а также учитывая ограничение, в виде запрета на избрание одного и того же лица Президентом дважды, правовой иммунитет экс — президента является важнейшим правостимулирующим средством, побуждающим положительную мотивацию к соответствующему поведению, способному обеспечить эффективное и независимое от внешних факторов выполнение возложенных на него функций во время исполнения обязанностей Президента. Неприкосновенность экс — президента является логическим продолжением и неотъемлемым элементом конституционных положений по предоставлению правовых гарантий действующему главе государства.

Поэтому, предоставление правового иммунитета лицу, прекратившему полномочия Президента, установленного статьей 12 Закона “О гарантиях деятельности Президента Кыргызской Республики”, выступает в качестве правового инструмента в обеспечении эффективного функционирования института президентства. В то же время, правовой иммунитет экс — президента должен иметь конкретные правовые рамки, а итоговое решение о его преодолении, независимо от предварительных процедур, должно быть не менее сложным, чем принятие решения об отрешении от должности действующего Президента, иначе рассматриваемый правовой механизм утратит свое первоначальное предназначение, заключающееся в выполнении публичной, конституционно значимой задачи по обеспечению деятельности Президента (решение не исполнено).

7. Решением от 17 октября 2018 года Конституционная палата дала оценку конституционности статьи 4 Закона “О гарантиях деятельности Президента Кыргызской Республики”. Оспариваемая норма регламентирует вопросы защиты чести и достоинства Президента Генеральным прокурором. В своем решении Конституционная палата отметила, что Президент Кыргызской Республики, будучи избранным народом, в целях обеспечения полноценного функционирования публичной власти, представляет и обеспечивает реализацию интересов всего народа. В этом качестве Президент страны, реализуя функции координации и объединения всех ветвей власти, обеспечивает функцию

единения государственной власти с народом. Это означает, что глава государства имеет особое место и роль в системе государственной власти.

В этой связи, с учетом конституционно — правового статуса Президента, законом может быть установлен особый порядок процессуальной защиты чести и достоинства главы государства. Такой порядок, при котором защита чести и достоинства Президента возлагается на Генерального прокурора, применяется в качестве одного из элементов правового иммунитета (неприкосновенности), который обеспечивается законом, носит публично — правовой характер и призван обеспечить повышенную охрану Президента в силу осуществляемых им государственных функций и его статусом, закрепленным в Конституции. Защита чести и достоинства Президента предполагает защиту как от посягательства личности самого Президента, так и на один из важнейших институтов государственной власти и преследует цели укрепления государственности, как фундаментальной составляющей, необходимой для ее развития. При этом Генеральный прокурор как представитель Президента страны в гражданском процессе по защите его чести и достоинства наделяется теми же процессуальными правами, и несет все процессуальные обязанности истца, как и граждане, без каких-либо изъятий или преференций.

Вместе с тем, оспариваемая норма, согласно которой Генеральный прокурор наделяется правом без ведома и согласия Президента, выступать в защиту его чести и достоинства, предоставляет ему широкие дискреционные полномочия осуществлять процессуальные права и обязанности истца либо ответчика, тогда как на осуществление этого права Генеральным прокурором, с учетом диспозитивности восстановления нарушенного права, требуется выражение согласия главы государства. В связи с чем, Генеральный прокурор в гражданско-правовом порядке, в рамках реализации полномочий, предоставленных ему оспариваемой нормой, может обращаться в суд от имени Президента за защитой его чести и достоинства только с согласия Президента. Учитывая, что в иске о защите чести и достоинства также может быть поставлен вопрос о возмещении морального вреда, его размер также должен быть определен непосредственно главой государства.

В противном случае, право по своему усмотрению решать, защищать в суде гарантированные Конституцией права и охраняемые законом интересы, нарушается, поскольку Генеральный прокурор вопреки желанию такого лица обращается в суд за защитой его чести и достоинства, с самостоятельным определением суммы морального ущерба, что, в конечном счёте, не соотносится с конституционным принципом равенства всех перед законом и судом.

В этой связи, Конституционная палата признала оспариваемую норму неконституционной только в части отсутствия порядка получения согласия Президента на защиту Генеральным прокурором его чести и достоинства и поручила Правительству инициировать изменения в Закон “О гарантиях деятельности Президента Кыргызской Республики”, предусматривающие получение Генеральным прокурором согласия Президента на защиту его чести и достоинства в судебном порядке с определением суммы возможного морального вреда, и приведение оспариваемой нормы в остальной части в соответствие со статьями 33 и 104 Конституции (решение не исполнено).

8. Решением от 1 ноября 2018 года Конституционная палата дала оценку конституционности статьи 15, пункта 4 статьи 17 Закона “О защите государственных секретов Кыргызской Республики”. Оспариваемые нормы регламентируют порядок допуска к государственным секретам Кыргызской Республики должностных лиц, граждан Кыргызской Республики и иностранных граждан. В своем решении Конституционная палата отметила, что Конституция, закрепляя право каждого на судебную защиту, также предоставляет гарантии каждому на получение квалифицированной юридической помощи (части 1 и 3 статьи 40). Право на получение квалифицированной юридической помощи подразумевает создание условий, при которых лицо, вне зависимости от того, в каком процессуальном статусе он привлечен к участию в судопроизводстве, получает в рамках судебного процесса квалифицированную правовую помощь для защиты или восстановления его прав, свобод и законных интересов. В реализацию данного конституционного права в Уголовно — процессуальном кодексе закреплено право подозреваемого, обвиняемого, подсудимого на защиту.

В соответствии с указанным Кодексом в качестве защитника в уголовном процессе может выступать только адвокат. В силу особенностей своих услуг, адвокат является особым субъектом, участвующим в достижении целей правосудия, и на которого законом возлагается конституционно значимая функция. При этом предоставление квалифицированной юридической помощи может быть полноценным лишь при условии свободы выбора адвоката лицом, нуждающимся в такой помощи, поскольку наличие доверительных отношений между ними является ключевым в эффективности правовой защиты. Право выбора адвоката по своему усмотрению представляет собой одну из фундаментальных основ справедливого судебного процесса, поскольку обеспечивает главное условие полноценной защиты — доверие между адвокатом и его подзащитным. Это вытекает из положений уголовно — процессуального законодательства и Международного пакта о гражданских и политических правах (статья 14).

Однако, применение статьи 15 Закона “О защите государственных секретов Кыргызской Республики”, регулирующей порядок допуска к государственным секретам должностных лиц и граждан, состоящих в трудовых отношениях, по аналогии к адвокатам, без учета специфики их работы и положений уголовно — процессуального законодательства, является не оправданным, поскольку указанный порядок предполагает и отказ в допуске к государственным секретам. Право на получение квалифицированной юридической помощи непосредственно вытекает из права на судебную защиту, являющейся абсолютным правом по своему конституционному содержанию, и не может быть ограничено, что предполагает возможность беспрепятственного участия защитника на всех стадиях уголовного процесса.

Распространение действия оспариваемых норм на адвокатов, как субъектов, непосредственно участвующих в достижении целей правосудия, и недопущение их к оказанию юридической помощи ввиду отсутствия у них допуска к государственным секретам, приведут к несоразмерному ограничению права лиц на квалифицированную юридическую помощь, и, в конечном итоге, к нарушению их конституционного права на судебную защиту, которое не подлежит никакому ограничению.

Конституционная палата, признавая распространение статьи 15 Закона “О защите государственных секретов Кыргызской Республики” по аналогии на адвокатов, участвующих в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, противоречащей Конституции, поручила Правительству инициировать изменения в указанный Закон, предусматривающий особый порядок допуска адвокатов к государственным секретам (решение не исполнено).

**ИМЕНЕМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

*по делу о проверке конституционности части третьей статьи 61
Уголовно — процессуального кодекса Российской Федерации
в связи с жалобой гражданина Б.А.Сотникова*

13 июня 2019 года

город Санкт-Петербург

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, О.С. Хохряковой, В.Г. Ярославцева, руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 471, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона “О Конституционном Суде Российской Федерации”, рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности части третьей статьи 61 УПК Российской Федерации. Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина Б.А.Сотникова. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителем законоположение. Заслушав сообщение судьи — докладчика Л.О.Красавчиковой, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

УСТАНОВИЛ :

1. Согласно части третьей статьи 61 УПК Российской Федерации при определении разумного срока уголовного судопроизводства, который включает в себя период с момента начала осуществления уголовного преследования до момента прекращения уголовного преследования или вынесения обвинительного приговора, учитываются такие обстоятельства, как правовая и фактическая сложность уголовного дела, поведение участников уголовного судопроизводства, достаточность и эффективность действий суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя, производимых в целях своевременного осуществления уголовного преследования или рассмотрения уголовного дела, и общая продолжительность уголовного судопроизводства.

Конституционность данного законоположения оспаривает гражданин Б.А.Сотников, которому решением Верховного Суда Республики Коми от 14 августа 2018 года, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по административным делам того же суда от 29 октября 2018 года, отказано в удовлетворении административных исковых требований о присуждении компенсации за нарушение его права на уголовное судопроизводство в разумный срок. Признавая срок судопроизводства разумным, суды исходили из того, что период с момента обращения Б.А.Сотникова с заявлением о преступлении (5 июня 2009 года) и до возбуждения уголовного дела об этом преступлении (26 ноября 2015 года) не подлежит включению в срок судопроизводства по данному делу (несмотря на решения об отказе в возбуждении уголовного дела, неоднократно принимавшиеся в этот период), поскольку результатом уголовного преследования по данному делу стал обвинительный приговор, а потому продолжительность судопроизводства следует исчислять со дня признания Б.А.Сотникова потерпевшим (тот же день, когда возбуждено данное дело) и по день вступления в законную силу приговора, т.е. не 8 лет 9 месяцев и 9 дней, как указывал административный истец, а 2 года 3 месяца и 16 дней, из которых предварительное следствие — 9 месяцев и 6 дней.

По мнению Б.А.Сотникова, оспариваемая норма — с учетом ее истолкования в судебной практике — не соответствует Конституции Российской Федерации, ее статьям 2, 18, 19, 45, 46, 52 и 53, поскольку позволяет при определении разумного срока уголовного судопроизводства не включать в него период со дня подачи лицом заявления о преступлении и до момента возбуждения уголовного дела об этом преступлении и признания такого лица в надлежащем порядке потерпевшим по данному делу, которое в дальнейшем завершилось обвинительным приговором.

Таким образом, с учетом требований статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона “О Конституционном Суде Российской Федерации” часть третья статьи 61 УПК Российской Федерации является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу в той мере, в какой она служит основанием для решения вопроса об определении продолжительности разумного срока уголовного судопроизводства в части установления момента начала его исчисления для лица, признанного потерпевшим по уголовному делу в порядке, предусмотренном уголовно — процессуальным законом, в случаях, когда производство по данному уголовному делу завершилось постановлением обвинительного приговора.

2. Конституция Российской Федерации, провозглашая человека, его права и свободы высшей ценностью, возлагает на Россию как демократическое правовое государство обязанность признавать,

соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, охранять достоинство личности, честь и доброе имя каждого и в этих целях гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод, а также возможность обжаловать в суд решения и действия (бездействие) органов государственной власти и должностных лиц (статья 1, часть 1; статья 2; статья 21, часть 1; статья 23, часть 1; статья 46, части 1 и 2). Предписания статей 2, 18, 19, 45, 46 и 52 Конституции Российской Федерации о соблюдении и защите прав и свобод на основе равенства всех перед законом и судом, об обеспечении доступа к правосудию и компенсации потерпевшим от преступлений нанесенного им ущерба предполагают обязанность государства как предотвращать и пресекать в установленном законом порядке какие бы то ни было посягательства, способные причинить вред и нравственные страдания личности, так и гарантировать пострадавшему возможность отстаивать, прежде всего в суде, свои права и законные интересы любыми не запрещенными законом способами.

Такой подход соотносится с положениями Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью (принята 29 ноября 1985 года резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН), закрепляющими право лиц, которым причинен вред в результате действия или бездействия, нарушающего национальные уголовные законы, на доступ к механизмам правосудия и скорейшую компенсацию за нанесенный им ущерб в соответствии с национальным законодательством и обязывающими государство содействовать тому, чтобы судебные и административные процедуры в большей степени отвечали потребностям этих лиц, в том числе путем обеспечения возможности изложения и рассмотрения их мнений и пожеланий в тех случаях, когда затрагиваются их личные интересы, но без ущерба для обвиняемых и согласно национальной системе уголовного правосудия (пункты 1, 4 и 6). Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, уголовно — процессуальные механизмы, устанавливаемые федеральным законодателем, должны — как того требуют Конституция Российской Федерации, прежде всего ее статьи 2 и 18, и нормы международного права, являющиеся составной частью правовой системы России (статья 15, часть 4, Конституции Российской Федерации), — в максимальной степени способствовать защите от преступлений, предупреждению их негативных последствий для прав и охраняемых законом интересов граждан, а также упрощать жертвам таких посягательств доступ к правосудию с целью восстановления нарушенных прав и получения необходимой компенсации с учетом того, что интересы потерпевшего в уголовном судопроизводстве в значительной степени связаны с разрешением вопроса о применении уголовного закона. Государство не может быть освобождено от возло-

женной на него Конституцией Российской Федерации, ее статьями 45, 46 и 52, обязанности обеспечить потерпевшим от преступлений доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (постановления от 24 апреля 2003 года № 7 — П, от 8 декабря 2003 года № 18 — П, от 16 октября 2012 года № 22 — П, от 2 марта 2017 года № 4 — П и др.). По смыслу же статей 1 (часть 1), 2, 4 (часть 2), 15, 17, 18, 19 и 118 (часть 1) Конституции Российской Федерации, в России, правовая система которой основана на принципе верховенства права как неотъемлемом элементе правового государства, право каждого на судебную защиту относится к основным неотчуждаемым правам и свободам и одновременно выступает гарантией всех других прав и свобод, а правосудие по своей сути может признаваться таковым, только если оно отвечает требованиям справедливости и обеспечивает действенное восстановление в правах.

Одним из важных факторов, обуславливающих эффективность восстановления нарушенных прав, является своевременность их защиты. Это означает, что рассмотрение и разрешение дела судом должно всегда осуществляться в разумный срок (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 11 мая 2005 года № 5 — П, от 21 января 2010 года № 1 — П, от 11 ноября 2014 года № 28 — П и др.). В силу приведенных правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, распространяющихся и на нормативное регулирование, в рамках которого определяются условия осуществления права на компенсацию за нарушение права на судопроизводство в разумный срок и устанавливаются соответствующие полномочия судебных инстанций, такое регулирование должно отвечать конституционным требованиям эффективности судебной защиты, справедливости, равенства и прежде всего — принципам правового государства, ответственного перед гражданином за качество и сроки судопроизводства с учетом момента возникновения субъективного права на судебную защиту. 3. В целях реализации вытекающей из Конституции Российской Федерации и Конвенции о защите прав человека и основных свобод (статьи 6 и 13) обязанности России по обеспечению права каждого на справедливое судебное разбирательство его дела в разумный срок, являющегося неотъемлемой составляющей права на судебную защиту, и исходя из необходимости создать надлежащие условия для осуществления права на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти и их должностных лиц, а также прав потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (статьи 52 и 53 Конституции Российской Федерации) Федеральный закон от 30 апреля 2010 года № 68 — ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство

в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок” предоставил лицам, перечисленным в части 1 его статьи 1, право обратиться в суд в порядке, установленном данным Федеральным законом и процессуальным законодательством, с заявлением о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение в разумный срок судебного акта.

В свою очередь, статья 61 УПК Российской Федерации закрепляет разумный срок уголовного судопроизводства в качестве одного из принципов уголовного процесса: уголовное судопроизводство осуществляется в сроки, установленные данным Кодексом, продление этих сроков допустимо в случаях и в порядке, которые им предусмотрены, но уголовное преследование, назначение наказания и прекращение уголовного преследования должны осуществляться в разумный срок (часть вторая); при определении разумного срока уголовного судопроизводства, который включает в себя период с момента начала осуществления уголовного преследования до момента его прекращения или вынесения обвинительного приговора, учитываются правовая и фактическая сложность уголовного дела, поведение участников процесса, достаточность и эффективность производимых для своевременного уголовного преследования или рассмотрения уголовного дела действий суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и дознавателя, а равно общая продолжительность уголовного судопроизводства (часть третья). При этом статьей 3 Федерального закона “О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок” предусмотрена возможность подачи потерпевшим или иным заинтересованным лицом, которому деянием, запрещенным уголовным законом, причинен вред, заявления о присуждении компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок и до окончания производства по уголовному делу — в случае принятия уполномоченными лицами постановления о приостановлении предварительного расследования по уголовному делу в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого (часть 71), либо постановления о прекращении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования (часть 73).

Соответственно, статьей 61 УПК Российской Федерации закреплен порядок определения разумного срока досудебного производства, который включает в себя период со дня подачи заявления, сообщения о преступлении до дня принятия решения о приостановлении предварительного расследования по уголовному делу по основанию, предусмотренному пунктом 1 части первой статьи 208 данного

Кодекса, т.е. если лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено (часть третья 1), а также период со дня подачи заявления, сообщения о преступлении до дня принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела либо о прекращении уголовного дела по основанию, предусмотренному пунктом 3 части первой статьи 24 данного Кодекса, т.е. ввиду истечения сроков давности уголовного преследования (часть третья 3).

Тем самым в приведенных положениях статьи 61 УПК Российской Федерации законодатель вполне определенно указал моменты, с которых исчисляется разумный срок уголовного судопроизводства: момент начала осуществления уголовного преследования (часть третья) или день подачи заявления, сообщения о преступлении (части третья 1 и третья 3). 4. Действующее законодательство не раскрывает понятия “момент начала осуществления уголовного преследования”.

Вместе с тем, как разъяснил Верховный Суд Российской Федерации для целей Федерального закона “О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок”, под началом уголовного преследования понимается принятие в отношении лица одного из процессуальных решений, указанных в части первой статьи 46 или части первой статьи 47 УПК Российской Федерации, в соответствии с которыми оно признается подозреваемым либо обвиняемым, или момент, с которого в отношении лица начато производство одного из процессуальных действий в порядке, предусмотренном частью первой статьи 144 данного Кодекса, либо следственных действий, направленных на его изобличение в совершении преступления, предшествующих признанию его подозреваемым или обвиняемым (пункт 18 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 года № 11 “О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок”).

Таким образом, предусмотренное частью третьей статьи 61 УПК Российской Федерации регулирование порядка исчисления разумного срока уголовного судопроизводства с момента начала осуществления уголовного преследования направлено прежде всего на обеспечение права на судопроизводство в разумный срок для лиц, привлеченных в качестве подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления, а также лиц, в отношении которых начато производство одного из связанных с проверкой сообщения о преступлении процессуальных действий в порядке, предусмотренном частью первой статьи 144 данного Кодекса, либо следственных действий, направленных на их изобличение в содеянном. 5. Права потерпевших от преступлений,

которым гарантируется государственная, в том числе судебная, защита (статья 45, часть 1; статья 46, часть 1; статья 52 Конституции Российской Федерации), реализуются, в частности, посредством использования уголовно — процессуальных механизмов, предполагающих обязанность органов предварительного расследования при выявлении признаков преступления возбуждать уголовные дела, осуществлять от имени государства уголовное преследование по делам публичного и частно — публичного обвинения, обеспечивая неотвратимость ответственности виновных. Невыполнение или ненадлежащее выполнение данной обязанности, выражающееся в том числе в длительном затягивании решения вопроса о наличии оснований для возбуждения уголовного дела, в неоднократном и необоснованном прерывании проверки по заявлению о преступлении, ведет к нарушению разумного срока разрешения дела и ограничению доступа потерпевших к правосудию (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 октября 2006 года № 425 — О и др.).

Однако, как свидетельствуют имеющиеся в распоряжении Конституционного Суда Российской Федерации материалы правоприменительной практики, включая судебную, использование соответствующих правовых возможностей заинтересованными лицами, пострадавшими от запрещенных уголовным законом деяний, для целей компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок зачастую затруднено и неэффективно.

Так, Уголовно — процессуальный кодекс Российской Федерации называет потерпевшим физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации и предусматривает, что решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела и оформляется постановлением дознавателя, следователя, судьи или определением суда, а если на момент возбуждения уголовного дела отсутствуют сведения о лице, которому преступлением причинен вред, решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно после получения данных об этом лице (часть первая статьи 42). Поскольку преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом, действовавшим во время совершения этого деяния, каковым признается время совершения общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий (статья 9 УК Российской Федерации), а сами вредные последствия в виде физического, имущественного, морального вреда возникают с момента их причинения конкретному лицу (или с момента, когда лицу стало об этом известно), такое лицо, по существу, является потерпев-

шим в силу самого факта причинения ему преступлением вреда, а не вследствие вынесения решения о признании его потерпевшим.

Тем самым правовой статус лица как потерпевшего устанавливается исходя из фактического его положения и лишь процессуально оформляется постановлением дознавателя, следователя или суда о признании потерпевшим, но не формируется им (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 18 января 2005 года № 131 — О, от 17 ноября 2011 года № 1555 — О — О и др.).

Следовательно, лицу, которому запрещенным уголовным законом деянием причинен вред, должна обеспечиваться реальная судебная защита в форме восстановления нарушенных преступлением прав и свобод, в том числе возможность осуществления права на судопроизводство в разумный срок согласно законодательно закрепленным критериям определения разумности срока судопроизводства, имея в виду, что такая возможность зависит как от своевременности, тщательности, достаточности и эффективности мер, предпринятых для объективного рассмотрения соответствующих требований, так и от продолжительности досудебного производства, включая период со дня подачи заявления о преступлении и до момента возбуждения уголовного дела и вынесения постановления о признании лица, подавшего заявление, потерпевшим.

Между тем часть третья статьи 61 УПК Российской Федерации — в системе действующего правового регулирования по смыслу, придаваемому ей правоприменительной практикой, — исключает из оценки разумности срока уголовного судопроизводства в случаях, когда производство по уголовному делу завершилось обвинительным приговором, продолжительность стадии возбуждения данного дела (проверки заявления о преступлении), что не согласуется с правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации и приводит к нарушению конституционных прав лица, которому преступлением причинен вред. Таким образом, часть третья статьи 61 УПК Российской Федерации в той мере, в какой она позволяет при определении разумного срока уголовного судопроизводства для лица, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред (признанного в установленном уголовно — процессуальным законом порядке потерпевшим), не учитывать период со дня подачи им заявления о преступлении и до момента возбуждения уголовного дела об этом преступлении в случаях, когда производство по данному уголовному делу завершилось постановлением обвинительного приговора, не соответствует Конституции Российской Федерации, ее статьям 15 (часть 4), 17, 46 (части 1 и 2) и 52.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 471, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона “О Конститу-

ционном Суде Российской Федерации”, Конституционный Суд Российской Федерации

ПОСТАНОВИЛ :

1. Признать часть третью статьи 61 УПК Российской Федерации не соответствующей Конституции Российской Федерации, ее статьям 15 (часть 4), 17, 46 (части 1 и 2) и 52, в той мере, в какой она позволяет при определении разумного срока уголовного судопроизводства для лица, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред (признанного в установленном уголовно-процессуальным законом порядке потерпевшим), не учитывать период со дня подачи им заявления о преступлении и до момента возбуждения уголовного дела об этом преступлении в случаях, когда производство по данному уголовному делу завершилось постановлением обвинительного приговора.

2. Федеральному законодателю надлежит — в соответствии с требованиями Конституции Российской Федерации и основанными на них правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, выраженными в настоящем Постановлении, — внести в правовое регулирование судебной защиты права граждан на судопроизводство в разумный срок изменения, направленные на уточнение порядка определения для потерпевших от преступлений момента начала исчисления разумного срока уголовного судопроизводства. Впредь до внесения в правовое регулирование надлежащих изменений, вытекающих из настоящего Постановления, при определении разумного срока уголовного судопроизводства для лица, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред (признанного в установленном уголовно — процессуальным законом порядке потерпевшим), если производство по уголовному делу завершилось обвинительным приговором, следует руководствоваться положениями части третьей статьи 61 УПК Российской Федерации.

3. Судебные решения, принятые в отношении гражданина Сотникова Бориса Александровича на основании части третьей статьи 61 УПК Российской Федерации, подлежат пересмотру в установленном порядке.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в “Российской газете”, “Собрании законодательства Российской Федерации” и на “Официальном интернет — портале

правовой информации” (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в “Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации”.

**ИМЕНЕМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

*по делу о проверке конституционности положения
абзаца первого пункта 1 статьи 2 Федерального закона
“Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской
Федерации” в связи с жалобой гражданина О.В.Сухова*

18 июля 2019 года

город Санкт—Петербург

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, О.С. Хохряковой, В.Г. Ярославцева, руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 471, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона “О Конституционном Суде Российской Федерации”, рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности положения абзаца первого пункта 1 статьи 2 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина О.В. Сухова. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителем законоположение. Заслушав сообщение судьи — докладчика Ю.Д.Рудкина, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

УСТАНОВИЛ :

В соответствии с абзацем первым пункта 1 статьи 2 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63 — ФЗ “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”, а именно его предложением третьим, адвокат не вправе вступать в трудовые отношения в качестве работника, за исключением научной, преподавательской и иной творческой деятельности, а также занимать государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, должности государственной службы и муниципальные должности.

Заявитель по настоящему делу гражданин О.В.Сухов, являющийся адвокатом Адвокатской палаты города Москвы, в 2017 году был избран депутатом Совета депутатов муниципального округа Нагорный в городе Москве и осуществляет полномочия депутата на непостоянной основе (в соответствии с уставом данного муниципального образования все депутаты работают на непостоянной основе).

Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 27 марта 2018 года к заявителю была применена мера дисциплинарной ответственности в виде замечания за занятие муниципальной должности — депутата Совета депутатов муниципального округа Нагорный в городе Москве.

По мнению Совета Адвокатской палаты города Москвы, совмещение адвокатом адвокатской деятельности со статусом лица, занимающего муниципальную должность, даже и на непостоянной основе, свидетельствует о вхождении члена адвокатского сообщества, вопреки закону, в систему органов местного самоуправления; такое совмещение нарушает как независимость адвоката в качестве советника по правовым вопросам, так и принцип равноправия адвокатов, поскольку адвокат, занимающий муниципальную должность депутата, получает возможность использовать депутатские полномочия и привилегии, в том числе при оказании юридической помощи своим доверителям. Указанным решением Совета Адвокатской палаты города Москвы О.В. Сухову также разъяснена необходимость устранить дпящееся нарушение норм Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации” в течение шести месяцев с даты принятия данного решения и он предупрежден, что неисполнение или ненадлежащее исполнение адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции, может повлечь прекращение статуса адвоката.

Решением Хамовнического районного суда города Москвы от 19 июля 2018 года, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 4 декабря 2018 года, отказано в удовлетворении искового заявления О.В. Сухова об оспаривании указанного решения Совета Адвокатской палаты города Москвы и прекращении дисциплинарного производства. В кассационном порядке заявитель эти судебные постановления не обжаловал. По мнению заявителя, оспариваемое законоположение в той мере, в какой оно запрещает адвокату занимать муниципальные должности, в том числе при избрании в орган местного самоуправления, без учета того, исполняет адвокат свои полномочия при работе в данном органе на постоянной или на непостоянной основе, не соответствует статьям 32 (часть 2), 34 (часть 1) и 37 (часть 1) Конституции Российской Федерации.

В соответствии со статьями 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации, проверяя по жалобам граждан конституционность закона или отдельных его положений, примененных в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде, и затрагивающих конституционные права и свободы, на нарушение которых ссылается заявитель, принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм, не будучи связанным при принятии решения основаниями и доводами, изложенными в жалобе.

Соответственно, положение абзаца первого пункта 1 статьи 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу в той мере, в какой на основании данного законоположения в системе действующего правового регулирования решается вопрос о запрете адвокату совмещать адвокатскую деятельность с деятельностью депутата представительного органа муниципального образования, осуществляющего полномочия на непостоянной основе.

2. Конституция Российской Федерации, гарантируя в Российской Федерации как правовом государстве государственную защиту прав и свобод человека и гражданина, в том числе право на получение квалифицированной юридической помощи (статья 1, часть 1; статья 45, часть 1; статья 48, часть 1), предполагает установление законодательного регулирования по вопросам, связанным с деятельностью адвокатуры, которые наряду с вопросами кадров судебных и правоохранительных органов, нотариатом относятся к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов (статья 72, пункт «л» части 1).

Данные конституционные положения, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, ориентируют, среди прочего, на принятие общих по своему характеру законодательных мер по вопросам деятельности государственных органов и негосударственных институтов, призванных осуществлять публичную юридическую деятельность в целях охраны прав и свобод граждан, в том числе адвокатуры (Определение от 8 декабря 2011 года № 1714—О—О).

Конституционный Суд Российской Федерации также неоднократно отмечал, что общественные отношения по поводу оказания юридической помощи находятся во взаимосвязи с реализацией соответствующими субъектами конституционной обязанности госу-

дарства по обеспечению надлежащих гарантий доступа каждого к правовым услугам и возможности привлечения каждым лицом, заинтересованным в совершении юридически значимых действий, квалифицированных специалистов в области права, — именно поэтому они воплощают в себе публичный интерес, а оказание юридических услуг имеет публичноправовое значение.

Данный вывод Конституционный Суд Российской Федерации последовательно подтверждал в своих решениях, в частности применительно к деятельности адвокатов (Постановление от 23 декабря 1999 года № 18—П и Определение от 21 декабря 2000 года № 28—О). Публичные начала в природе отношений по оказанию юридической помощи обусловлены и тем, что, возникая в связи с реализацией права на судебную защиту (статья 46, часть 1, Конституции Российской Федерации), они протекают во взаимосвязи с функционированием институтов судебной власти.

Соответственно, право на получение квалифицированной юридической помощи, выступая гарантией защиты прав, свобод и законных интересов, одновременно является одной из предпосылок надлежащего осуществления правосудия, обеспечивая в соответствии со статьей 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации его состязательный характер и равноправие сторон (Постановление от 23 января 2007 года № 1—П). Будучи независимым профессиональным советником по правовым вопросам, на которого законом возложена публичная обязанность обеспечивать защиту прав и свобод человека и гражданина (в том числе по назначению судов), адвокат, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 17 декабря 2015 года № 33-П, осуществляет деятельность, имеющую публично — правовой характер, реализуя тем самым гарантии права каждого на получение квалифицированной юридической помощи.

Осуществление адвокатами указанных публичных функций предполагает создание нормативноправовых и организационных механизмов, обеспечивающих законность и независимость в деятельности адвокатов с учетом специфики адвокатуры как профессионального сообщества адвокатов, которое, будучи институтом гражданского общества, не входит в систему органов государственной власти и органов местного самоуправления и действует на основе принципов законности, независимости, самоуправления, корпоративности, а также принципа равноправия адвокатов (пункты 1 и 2 статьи 3 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”).

В то же время приобретение статуса адвоката выступает формой реализации права свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию (статья 37, часть 1,

Конституции Российской Федерации). Соответственно, хотя Конституция Российской Федерации не содержит положений, непосредственно определяющих статус адвоката и адвокатуры, вместе с тем приведенные конституционные положения и сформулированные на их основе правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации предполагают урегулирование статуса адвоката и адвокатуры в федеральном законе таким образом, чтобы они отвечали своему конституционному предназначению как элементу механизма реализации конституционных прав на судебную защиту и на квалифицированную юридическую помощь и при этом обеспечивали гарантии конституционных прав граждан, выбравших профессию адвоката.

Как следует из правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, основанных на положениях статей 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, федеральный законодатель, осуществляя соответствующее регулирование, обязан обеспечивать баланс конституционно защищаемых ценностей и соблюдать критерии разумности, необходимости и соразмерности связанных с таким статусом возможных ограничений прав и свобод и не вправе вводить не имеющие объективного и разумного оправдания различия в правах лиц, принадлежащих к одной и той же категории.

3. Осуществляя предоставленные ему полномочия, законодатель в рамках своей дискреции принял Федеральный закон “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”, в котором определил, что адвокатской деятельностью является квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката в порядке, установленном данным Федеральным законом, физическим и юридическим лицам в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию; адвокатская деятельность не является предпринимательской; не является адвокатской деятельностью юридическая помощь, оказываемая: работниками юридических служб юридических лиц, а также работниками органов государственной власти и органов местного самоуправления, участниками и работниками организаций, оказывающих юридические услуги, а также индивидуальными предпринимателями, нотариусами, патентными поверенными, за исключением случаев, когда в качестве патентного поверенного выступает адвокат, либо другими лицами, которые законом специально уполномочены на ведение своей профессиональной деятельности; действие данного Федерального закона не распространяется также на органы и лиц, которые осуществляют представительство в силу закона (статья 1).

Соответственно, адвокатская деятельность обособлена от других видов юридической помощи как особый вид квалифици-

рованной юридической помощи, который оказывается исключительно субъектами со специальным правовым статусом — адвокатами, являющимися лицами свободной профессии (т.е. осуществляющими профессиональную деятельность не по найму) и призванными осуществлять свою деятельность самостоятельно и независимо, что находит воплощение в установленных законом для адвокатов требованиях, ограничениях и гарантиях. Одно из таких ограничений предусмотрено положением абзаца первого пункта 1 статьи 2 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”, согласно которому адвокат не вправе занимать государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, должности государственной службы и муниципальные должности.

Данное ограничение было введено Федеральным законом от 20 декабря 2004 года № 163-ФЗ “О внесении изменений в Федеральный закон “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации””, на момент вступления в силу которого — 23 декабря 2004 года — действовал Федеральный закон от 8 января 1998 года № 8 — ФЗ “Об основах муниципальной службы в Российской Федерации” (утратил силу с 1 июня 2007 года в связи с принятием Федерального закона от 2 марта 2007 года № 25-ФЗ “О муниципальной службе в Российской Федерации”), предусматривавший деление муниципальных должностей на два вида: выборные муниципальные должности, замещаемые в результате муниципальных выборов (депутаты, члены выборного органа местного самоуправления, выборные должностные лица местного самоуправления), а также замещаемые на основании решений представительного или иного выборного органа местного самоуправления в отношении лиц, избранных в состав указанных органов в результате муниципальных выборов, и иные муниципальные должности, замещаемые путем заключения трудового договора.

Действующее правовое регулирование, а именно Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” (абзацы шестнадцатый и двадцатый части 1 статьи 2) и Федеральный закон “О муниципальной службе в Российской Федерации” (часть 2 статьи 1) в отличие от прежнего регулирования вместо единого понятия “муниципальная должность” использует два термина: “муниципальная должность” и “должность муниципальной службы”, однако, как и прежде, депутат представительного органа муниципального образования признается лицом, замещающим муниципальную должность.

В связи с этим положение абзаца первого пункта 1 статьи 2 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации” само по себе могло быть воспринято в

правоприменительной практике как запрет совмещать адвокатскую деятельность с муниципальной службой и (или) как запрет адвокату занимать должность депутата представительного органа муниципального образования или иную выборную муниципальную должность вне зависимости от того, исполняются ли полномочия по соответствующей должности на постоянной или непостоянной основе.

Так, согласно представленным в Конституционный Суд Российской Федерации материалам, в частности, Адвокатская палата города Москвы, членом которой является заявитель, исходит из того, что в случае если адвокат был избран на должность депутата представительного органа муниципального образования и соответствующие полномочия осуществляются им на непостоянной основе, то в силу названного законоположения такой адвокат должен либо прекратить полномочия депутата представительного органа муниципального образования, чтобы продолжать заниматься адвокатской деятельностью, либо утратить статус адвоката. Аналогичную позицию занимает Главное управление Министерства юстиции Российской Федерации по Москве, поскольку именно по его представлению было возбуждено дисциплинарное дело в отношении заявителя, а также другие дисциплинарные дела, связанные с совмещением адвокатской деятельности и исполнением полномочий депутата представительного органа муниципального образования на непостоянной основе.

Позиция Адвокатской палаты города Москвы по делу заявителя поддержана судами, в том числе судебной коллегией по гражданским делам Московского городского суда. В то же время адвокатскими палатами Московской, Ленинградской и Омской областей, Краснодарского края и Республики Башкортостан совмещение адвокатской деятельности и исполнения полномочий депутата представительного органа муниципального образования на непостоянной основе не рассматривается как недопустимое и влекущее прекращение или приостановление статуса адвоката.

3.1. Таким образом, правоприменительная практика Адвокатской палаты города Москвы и судов по делу заявителя свидетельствует о том, что адвокаты, избранные депутатами представительных органов муниципальных образований и осуществляющие депутатские полномочия на непостоянной основе, со ссылкой на оспариваемое положение вынуждены либо утратить статус адвоката, либо досрочно прекратить полномочия депутата представительного органа муниципального образования.

При этом для адвокатов адвокатских палат ряда других субъектов Российской Федерации таких последствий не наступает. Между тем, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, в правоприменительной практике должно обеспечиваться

конституционное истолкование подлежащих применению нормативных положений, с которым очевидно несовместима ситуация, когда возникают такие различия в правах лиц, принадлежащих к одной и той же категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания. Хотя механизм действия закона должен быть понятен субъектам соответствующих правоотношений прежде всего из содержания конкретного нормативного положения или системы находящихся во взаимосвязи нормативных положений, не исключаются случаи, когда необходимая степень определенности правового регулирования может быть достигнута путем выявления более сложных взаимосвязей правовых предписаний (постановления от 23 декабря 1997 года № 21—П, от 23 февраля 1999 года № 4—П, от 22 апреля 2013 года № 8—П, от 12 марта 2015 года № 4—П и др.).

В частности, не имеет разумного конституционно — правового обоснования лишение гражданина, избранного депутатом представительного органа муниципального образования и осуществляющего депутатские полномочия на непостоянной основе, статуса адвоката только в силу самого факта замещения муниципальной должности и безотносительно к характеру исполняемой по данной должности публично — правовой функции. Несмотря на то что органы местного самоуправления являются элементом системы публичной власти в Российской Федерации, их основное предназначение состоит, как это прямо следует из статей 12, 130 (часть 1) и 132 (часть 2) Конституции Российской Федерации, в решении вопросов местного значения. Именно такого рода вопросы, направленные на непосредственное обеспечение жизнедеятельности населения, решает представительный орган муниципального образования; в его деятельности преобладают коммунально — хозяйственные аспекты, связанные с текущими нуждами и определением перспектив развития муниципального образования как территориального объединения граждан, коллективно реализующих на основании Конституции Российской Федерации право на осуществление местного самоуправления (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 апреля 2002 года № 7—П). Конституция Российской Федерации, в частности ее статьи 32 (части 1 и 2) и 37 (часть 1), не содержит предписаний, которые бы прямо запрещали адвокату без утраты своего статуса осуществлять полномочия депутата представительного органа муниципального образования на непостоянной основе.

Вместе с тем из ее положений также не вытекает прямой запрет федеральному законодателю исключить возможность совмещения адвокатской деятельности с осуществлением полномочий депутата представительного органа муниципального образования на непостоянной основе. Хотя зарубежный опыт правового регулирования свиде-

тельствует преимущественно о возможности совмещения статуса адвоката и статуса депутата (по крайней мере, местного уровня публичной власти), осуществляющего полномочия на непостоянной основе и не занимающего руководящих должностей в представительном органе, в конкретно — исторических условиях функционирования правовой демократии в той или иной стране для регулирования, не допускающего такое совмещение, могут возникать основания. Даже оставляя в стороне высказываемые опасения по поводу использования статуса депутата, включая особые права и гарантии (депутатский иммунитет, право направления запросов и т.д.), при осуществлении адвокатской деятельности, которые могут быть устранены путем установления в законодательстве более адекватных (соразмерных) механизмов (способов) нивелирования таких рисков, законодатель вправе вводить запрет на указанное совмещение в целях предотвращения возможной коллизии между деятельностью в представительном органе местного самоуправления, т.е. исполнением долга перед избирателями, и выполнением адвокатом профессиональных обязанностей по принятым поручениям, которое согласно пункту 4 статьи 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, принятого I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 года, должно иметь для него приоритетное над иной деятельностью значение. Такое регулирование могло бы — при обеспечении его должной обоснованности и соразмерности — рассматриваться как направленное на защиту прав других граждан: и избирателей, и лиц, прибегающих к квалифицированной юридической помощи адвокатов, т.е. как согласованное с положениями статей 17 (часть 3) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

Соответственно, решение вопроса о возможности и условиях совмещения адвокатской деятельности с осуществлением полномочий депутата представительного органа муниципального образования на непостоянной основе, о последствиях осуществления гражданином таких полномочий для его статуса адвоката Конституция Российской Федерации относит к дискреции федерального законодателя, которая, однако, ограничена принципами равенства, справедливости и соразмерности ограничения прав и свобод, а также требованиями определенности правового регулирования, в том числе в порождаемых им правовых последствиях и устанавливаемых в отношении соответствующего лица надлежащих гарантиях.

3.2. В рамках конкретизации оспариваемого законоположения Федеральным законом “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации” предусмотрено, что избрание адвоката в орган государственной власти или орган местного самоуправления на период работы на постоянной основе признается обстоятельством, влекущим в обязательном порядке приостановление статуса адвоката (подпункт 1 пункта 1 статьи 16).

Вместе с тем действующее правовое регулирование предусматривает, что по некоторым должностям в органах государственной власти и местного самоуправления, в том числе замещаемым посредством выборов, полномочия осуществляются на непостоянной основе, т.е. без отрыва от основной профессиональной деятельности, которой лицо занималось на момент замещения должности, и без абсолютного ограничения возможности для лица совмещать депутатскую деятельность с иной — помимо преподавательской, научной и иной творческой — оплачиваемой деятельностью.

Так, в соответствии с Федеральным законом “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” депутаты представительного органа муниципального образования осуществляют свои полномочия, как правило, на непостоянной основе; депутат, осуществляющий полномочия на постоянной основе, не может участвовать в качестве защитника или представителя (кроме случаев законного представительства) по гражданскому, административному или уголовному делу либо делу об административном правонарушении (части 5 и 91 статьи 40). Также только для депутатов представительных органов муниципальных образований, осуществляющих свои полномочия на постоянной основе, установлены запреты заниматься предпринимательской деятельностью лично или через доверенных лиц, участвовать в управлении коммерческой организацией или некоммерческой организацией, за исключением разрешенных федеральным законом случаев, и заниматься иной оплачиваемой деятельностью, за исключением преподавательской, научной и иной творческой деятельности (пункты 2 и 3 части 7 статьи 40). Приведенные законоположения, рассматриваемые во взаимосвязи с пунктом 1 статьи 2 и подпунктом 1 пункта 1 статьи 16 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”, позволяют полагать, что в случае избрания адвоката депутатом представительного органа муниципального образования, если соответствующие полномочия осуществляются на постоянной основе, установленный пунктом 1 статьи 2 данного Федерального закона запрет для адвоката на замещение муниципальной должности реализуется путем приостановления его адвокатского статуса на период осуществления полномочий на постоянной основе, а если такие полномочия осуществляются на непостоянной основе, то приостановления статуса адвоката на период осуществления полномочий не предусмотрено.

Кроме того, осуществление адвокатом, избранным в орган местного самоуправления, полномочий в соответствующем органе на непостоянной основе указанный Федеральный закон прямо не относит и к обстоятельствам, влекущим прекращение статуса адвоката (пункты 1 и 2 статьи 17).

Таким обстоятельством, в частности, подпункт 3 пункта 2 его статьи 17 называет неисполнение или ненадлежащее исполнение адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции, о чем был предупрежден заявитель в связи с разъяснением в решении Совета Адвокатской палаты города Москвы о необходимости устранения допущенного им, по мнению Совета, нарушения оспариваемого положения Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”. В то же время, презюмируя соблюдение требований разумности правового регулирования, необходимо исходить из того, что законодатель, прямо предусмотрев приостановление статуса адвоката как способ разрешения коллизии между замещением муниципальной должности на постоянной основе и статусом адвоката и, соответственно, восстановление этого статуса с отпадением оснований приостановления, не мог одновременно поставить адвокатов, без прямого и однозначного нормативного указания, перед жестким выбором между прекращением статуса адвоката и прекращением осуществления полномочий депутата представительного органа муниципального образования на непостоянной, т.е. в меньшей степени связанной с интеграцией в институты муниципальной власти, основе. Иное понимание подпункта 1 пункта 1 статьи 16 и подпункта 3 пункта 2 статьи 17 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации” в их взаимосвязи в рамках действующего правового регулирования было бы несовместимо с положениями статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, поскольку влекло бы несоразмерное ограничение прав граждан, гарантированных статьями 32 (части 1 и 2) и 37 (часть 1) Конституции Российской Федерации.

4. Таким образом, действующее законодательное регулирование позволяет утверждать, что законодатель не предусматривает каких—либо правовых последствий замещения муниципальной должности адвокатом для его адвокатского статуса в случае, если он избран депутатом представительного органа муниципального образования и осуществляет свои полномочия на непостоянной основе. Причем с учетом конституционных требований соразмерности налагаемых ограничений и определенности правового регулирования это должно расцениваться не как пробел в определении правовых последствий, наступающих применительно к избранию адвоката депутатом представительного органа муниципального образования и осуществлению им депутатских полномочий на непостоянной основе, а как квалифицированное умолчание, свидетельствующее о том, что на осуществление полномочий депутата представительного органа местного самоуправления на непостоянной основе положение абзаца первого пункта 1 статьи 2 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адво-

катуре в Российской Федерации” не распространяется и, соответственно, не предполагает запрета адвокату совмещать адвокатскую деятельность с осуществлением им полномочий депутата представительного органа муниципального образования на непостоянной основе.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 471, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона “О Конституционном Суде Российской Федерации”, Конституционный Суд Российской Федерации

ПОСТАНОВИЛ :

1. Признать положение абзаца первого пункта 1 статьи 2 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации” не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку оно по своему конституционно — правовому смыслу в системе действующего правового регулирования не предполагает запрета адвокату совмещать адвокатскую деятельность с осуществлением им полномочий депутата представительного органа муниципального образования на непостоянной основе.

2. Конституционно — правовой смысл положения абзаца первого пункта 1 статьи 2 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”, выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное его истолкование в правоприменительной практике.

3. Правоприменительные решения, вынесенные в отношении гражданина Сухова Олега Владимировича на основании положения абзаца первого пункта 1 статьи 2 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации” в истолковании, расходящемся с его конституционно — правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в “Российской газете”, “Собрании законодательства Российской Федерации” и на “Официальном интернет — портале правовой информации” (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в “Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации”.

**Мнение
судьи Конституционного Суда Российской Федерации
Н.С. Бондаря**

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2019 года № 29—П, принятое по результатам рассмотрения жалобы гражданина О.В. Сухова, оспаривавшего конституционность нормы пункта 1 статьи 2 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре”, которая, по мнению заявителя, запрещает адвокату совмещать свой профессиональный статус с осуществлением полномочий депутата представительного органа местного самоуправления независимо от того, исполняются они на постоянной (профессиональной) или непостоянной основе, безусловно, заслуживает положительной оценки уже в силу того, что Суд, во многом согласившись с аргументацией заявителя, чьи конституционные права были нарушены, встал на его сторону.

В этом плане мнение судьи как способ процессуального реагирования на итоговое решение Конституционного Суда не обязательно должно быть связано с критической оценкой тех или иных положений, содержащихся в постановлении (как это имеет место и в данном случае); оно может быть продиктовано, прежде всего, желанием представить некоторые дополнительные аргументы в пользу принятого решения, дать уточняющие пояснения по отдельным положениям и выводам, содержащимся в принятом решении, которые в последующем могут вызвать неоднозначное толкование в законотворческой и правоприменительной практике. Это тем более важно применительно к решениям, в которых Конституционный Суд, не считая возможным (обоснованным) признавать оспариваемое законоположение противоречащим Конституции Российской Федерации, ограничивается уточнением, “конституционной рихтовкой” данного законоположения (равно как и практики его применения) путем конституционно — правового истолкования, что имело место и по итогам рассмотрения настоящего дела.

Известно, что такого рода конституционно — судебное воздействие на проверяемое законоположение является специфичным, весьма тонким инструментом конституционного нормоконтроля; он во многом приближается к квазиправотворческим полномочиям органа конституционного контроля, обеспечивая доведение нормативного содержания оспариваемого законоположения до требований конституционных принципов и ценностей без изменения буквы проверяемого закона (с учетом презумпции его конституционности).

При этом важно учитывать, что нормоконтроль, основанный на конституционном истолковании проверяемых законоположений, сам по себе не исключает возможности формирования Конституционным Судом Российской Федерации рекомендаций законодателю по

совершенствованию соответствующей сферы правового регулирования.

В этих условиях повышенное значение приобретает не только сама по себе формула конституционно — правового истолкования подвергнутого судебной проверке законоположения, но и конституционное обоснование возможных законотворческих подходов по совершенствованию правового регулирования этих отношений. Тем более это актуально, если Конституционный Суд Российской Федерации, давая обязательное для правоприменителей конституционно — правовое истолкование проверяемого законоположения, в то же время допускает широкие дискреционные возможности законодателя при выборе в будущем возможных законодательных решений рассмотренной проблемы.

Во многом именно такая ситуация возникла и в связи с принятием Постановления № 29 — П, чем во многом предопределена целесообразность написания настоящего мнения.

1. Соглашаясь в принципиальном плане с принятым решением, представляется необходимым дополнительно остановиться на некоторых положениях, которые могут приобрести неоднозначное понимание, в частности, в процессе будущей законодательной реализации Постановления № 29 — П.

По итогам рассмотрения дела Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что “законодатель не предусматривает каких—либо правовых последствий замещения муниципальной должности адвокатом для его адвокатского статуса в случае, если он избран депутатом представительного органа муниципального образования и осуществляет свои полномочия на непостоянной основе”; и «это должно расцениваться не как пробел», а “как квалифицированное умолчание”, свидетельствующее о том, что на осуществление полномочий депутата представительного органа местного самоуправления на непостоянной основе оспариваемое законоположение не распространяется и, соответственно, не предполагает запрета адвокату совмещать в этом случае адвокатскую деятельность с осуществлением им полномочий муниципального депутата на непостоянной основе (пункт 4 мотивировочной части Постановления).

Вместе с тем представляется вполне обоснованной необходимость совершенствования действующего правового регулирования, в том числе с учетом высказанных в данном Постановлении подходов Конституционного Суда Российской Федерации. Об этом свидетельствует, как это вытекает из представленных в Конституционный Суд Российской Федерации материалов дела, в том числе отсутствие единообразной практики применения оспариваемой нормы, на что справедливо обращается внимание и в Постановлении (абзацы 5–7 пункта 3

мотивировочной части). Более того, анализ оспариваемого законоположения в общей системе действующего правового регулирования (что является требованием статьи 74 Федерального конституционного закона “О Конституционном Суде Российской Федерации”), в частности в соотношении с пунктом 91 статьи 40 Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления”, пунктом 51 статьи 12 Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации”, позволяет сделать вывод о проявлениях коллизионных начал в установлении пределов возможного участия в качестве защитника или представителя по гражданскому, административному или уголовному делу освобожденных и неосвобожденных депутатов представительных органов. Элементы несогласованности проявляются и в нормативном соотношении проверяемого законоположения с положениями пункта 1 статьи 16 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации” (в связи с решением вопроса о возможности приостановления адвокатского статуса на период осуществления адвокатом депутатских полномочий на постоянной или непостоянной основе).

Нельзя не учитывать также определенные дефекты в законодательной технике самой редакции проверяемой нормы; это касается, в частности, неопределенности в вопросе о соотношении терминов “муниципальная должность” и “должность муниципальной службы” и понятия “депутат представительного органа местного самоуправления” (на данное обстоятельство, по крайней мере, косвенно обращается внимание и в Постановлении № 29 — П, абзац 4 пункта 3 мотивировочной части).

В то же время, отмечая необходимость совершенствования соответствующего правового регулирования, нельзя не обратить внимание на сформулированную в Постановлении от 18 июля 2019 года позицию, в соответствии с которой из Конституции Российской Федерации не вытекает прямой запрет федеральному законодателю исключить возможность совмещения адвокатской деятельности с осуществлением полномочий депутата представительного органа муниципального образования на непостоянной основе (абзац 4 пункта 3.1 мотивировочной части) и, следовательно, решение вопроса о возможности, условиях и последствиях такого совмещения Конституция Российской Федерации относит к дискреции федерального законодателя (абзац 6 пункта 3.1 мотивировочной части).

Данный подход позволяет сделать вывод о допустимости введения полного запрета совмещения статуса адвоката с осуществлением полномочий депутата представительного органа местного самоуправления не только на постоянной, но и на непостоянной основе. С

этим вряд ли можно согласиться, если исходить из самой природы конституционноправового регулирования соответствующей сферы отношений, учитывать конституционно — аксиологические характеристики конкурирующих, как это имело место в настоящем деле, институтов адвокатуры, квалифицированной юридической помощи, с одной стороны, и местного самоуправления, участия граждан в управлении делами общества и государства в процессе реализации, в частности, пассивного избирательного права при избрании адвоката депутатом представительного органа местного самоуправления, с другой стороны.

2. Своего рода методологическим основанием, позволившим прийти к выводу о том, что решение вопроса о совмещении статусов адвоката и работающего на непостоянной основе депутата представительного органа местного самоуправления относится к исключительной дискреции законодателя, явилось предположение о том, что Конституция Российской Федерации не содержит достаточных ориентиров для разрешения данной проблемы и, как результат, недостаточно полный учет реально существующего конституционного потенциала по регулированию соответствующей сферы отношений.

В частности, для разрешения вопросов по настоящему делу принципиальное значение имеет такая конституционно значимая проблема, как характер взаимоотношений профессионального сообщества адвокатов с местным самоуправлением. Это тем более важно, если иметь в виду, что, например, Совет Адвокатской палаты города Москвы, принимая решение о привлечении адвоката О.В. Сухова к дисциплинарной ответственности за нарушение пункта 1 статьи 2 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”, аргументировал это в том числе указанием на то, что совмещение “занятия адвокатской деятельностью со статусом лица, занимающего муниципальную должность, даже и на непостоянной основе, свидетельствует о вхождении адвокатуры, вопреки закону, в систему органов местного самоуправления”.

В данном случае ссылка на “закон” фактически означает, что якобы имеет место нарушение требований пункта 1 статьи 3 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”, в котором устанавливается, что “адвокатура является профессиональным сообществом адвокатов и как институт гражданского общества не входит в систему органов государственной власти и местного самоуправления”. В принципиальном плане с этим законоположением нельзя не согласиться.

Однако оно нуждается в дополнительных пояснениях, в том числе с учетом положений Конституции Российской Федерации, определяющих основы взаимоотношений адвокатуры и местного самоуправления как институтов гражданского общества; в противном

случае оно может быть использовано, как свидетельствуют и материалы настоящего дела, в качестве некоего “аргумента” в пользу недопустимости совмещения статуса адвоката с осуществлением полномочий муниципального депутата.

Важно учитывать, что положение пункта 1 статьи 3 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации” говорит не об индивидуальном вхождении (невхождении) адвоката в состав муниципального органа, а о том, что адвокатура как профессиональное сообщество и как институт гражданского общества не входит в систему органов местного самоуправления.

Между тем данный аспект — квалификация адвокатуры и местного самоуправления как институтов гражданского общества, характер их взаимоотношений — не получил в Постановлении № 29 — П должной оценки, хотя он имеет важное конституционное значение.

3. Нельзя в связи с этим не обратить внимание на то, что в положениях пункта 2 мотивировочной части Постановления подход к раскрытию конституционно — правовых основ законодательного регулирования соответствующих отношений представлен достаточно ограниченно, в частности лишь сквозь призму части 1 (пункт “л”) статьи 72 Конституции Российской Федерации, имея в виду регулирование кадров судебных и правоохранительных органов, адвокатуры.

Думается, рассматриваемая проблема, в том числе в аспекте ее конституционного регулирования, носит более широкий, комплексный характер. Вполне обоснованным мог бы стать, в частности, учет конституционных основ регулирования местного самоуправления как института гражданского общества (статья 12, пункт “н” части 1 статьи 72) в его коллизионном соотношении с другим институтом гражданского общества — в данном случае в виде адвокатуры. Важен, кроме того, своего рода конституционно — правовой переход от публично — правовых институтов гражданского общества к затрагиваемым данным регулированием правам и свободам человека и гражданина, их защите, обеспечению законности и правопорядка (пункт “б” части 1 статьи 72). Субъективно — личностный уровень конституционно — правовых основ регулирования соответствующей сферы отношений представлен в этом плане положениями статей 32 (части 1 и 2), 37 (часть 1), 45 (часть 1), 48 (часть 1) Конституции Российской Федерации.

Такое понимание конституционно — правовых основ законодательного регулирования исследуемых отношений важно учитывать в том числе в связи с поиском баланса конституционных ценностей в режиме взаимодействия институтов адвокатуры и местного самоуправления и в контексте совмещения статуса адвоката с полномочиями депутата представительного органа местного самоуправления, реализуемыми на непостоянной основе.

4. При этом комплексный подход к анализу конституционно — правового содержания рассматриваемых институтов в их взаимодействии имманентно сопряжен с необходимостью выявления их коллизионных начал и на этой основе — с поиском баланса публично-правовых (взаимодействие адвокатуры и местного самоуправления как институтов гражданского общества) и частных, субъективно — личностных начал, связанных с реализацией права на оказание квалифицированной юридической помощи, права на участие в управлении делами общества и государства, свободное распоряжение своими способностями к труду и т.п. При таких условиях пределы возможных ограничений взаимодействия адвокатуры и местного самоуправления — как и сама допустимость, конституционная обоснованность их установления — не могут оцениваться без учета конституционного наполнения каждого из институтов, вовлеченных в этот процесс. При этом Конституция Российской Федерации дает вполне определенные ориентиры законодателю в плане как последующей конкретизации правового регулирования соответствующих отношений, так и их гармонизации, достижения конституционно обоснованного баланса несовпадающих интересов и ценностей.

4.1. В контексте рассматриваемого дела основой взаимодействия адвокатуры и местного самоуправления как институтов гражданского общества выступают, в частности, положения статьи 48 Конституции Российской Федерации, определяющие право каждого на получение квалифицированной юридической помощи. При этом особенности конституционной природы данного права — в аспекте анализируемой проблемы — могут быть квалифицированы как конституционно — процессуальное право — гарантия, имеющее обеспечительное влияние не только на другие права и свободы человека и гражданина, но и на иные демократические институты государственности, включая институты публичной власти на различных уровнях ее организации (федеральном, региональном, муниципальном).

В этом плане из нормативной логики статьи 48 Конституции Российской Федерации следует и тот факт, что право на получение квалифицированной юридической помощи не связано, с одной стороны, исключительно и только с правом воспользоваться помощью адвоката, а, с другой стороны, адвокатская деятельность как организационно — правовая форма оказания юридической помощи не сводится к процессуально-правовым началам участия адвоката в гарантировании права на судебную защиту. Квалифицированная юридическая помощь, включая адвокатскую деятельность, выступает, в конечном счете, обеспечительно — правовым инструментом формирования гармоничных отношений между личностью и властью, равно как и функционирования самой власти в соответствии с требованиями верховенства права.

В этом же ключе данное право должно пониматься и при рассмотрении вопросов, связанных с взаимодействием адвокатуры со всеми уровнями и институтами публичной власти. Между тем подход, представленный в Постановлении № 29 — П, связан в своей основе с характеристикой публичных начал в отношениях по оказанию юридической помощи с реализацией права на судебную защиту и, соответственно, с функционированием институтов судебной власти. В этом аспекте право на получение квалифицированной юридической помощи действительно является, как это справедливо отмечается в Постановлении № 29 — П, одной из предпосылок надлежащего осуществления правосудия (абзац 3 пункта 2 мотивировочной части), что подтверждается также приведенными правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, которые ранее были сформулированы в связи с рассмотрением конкретных процессуально — правовых в своей основе проблем реализации права на судебную защиту прав и свобод граждан (статья 46 Конституции Российской Федерации).

С учетом этих конституционно — правовых начал, касающихся в том числе права на оказание квалифицированной юридической помощи, следует подходить и к анализу конкретных вопросов взаимоотношений демократических институтов муниципальной власти с адвокатурой как институтом гражданского общества. Усиление взаимодействия этих институтов могло бы способствовать решению весьма острой по состоянию на сегодняшний день проблемы повышения юридической квалификации лиц, занимающих муниципальные должности, что, в свою очередь, способствовало бы повышению авторитета представительных органов местного самоуправления, расширению их возможностей — как наиболее приближенных к населению органов — более эффективно решать вопросы местного значения, не ставя при этом под сомнение, что адвокатура как профессиональное сообщество и институт гражданского общества ни в коей мере не вторгается в сферу муниципально — властной деятельности, не входит в систему органов местного самоуправления.

4.2. Что же касается статуса каждого конкретного адвоката, осуществляющего полномочия муниципального депутата на непостоянной основе, то здесь надо учитывать несколько моментов.

Во — первых, в принципиальном, конституционно — правовом плане исполнение адвокатом депутатских полномочий на непостоянной (непрофессиональной) основе не может рассматриваться как нарушение его профессиональной независимости: депутатские полномочия он осуществляет исключительно на общественных началах и, таким образом, здесь полностью отсутствуют пересекающиеся “профессионально — должностные” линии.

Во — вторых, такое совмещение статусов не нарушает принцип равноправия адвокатов, имея в виду сам характер депутатских полномочий на муниципальном уровне; в их числе нет таких, которыми муниципальный депутат мог бы “прирастить” свой адвокатский статус, воспользоваться ими в своей профессионально — адвокатской деятельности. Все депутатские полномочия адвокат осуществляет как полномочный представитель населения и член представительного органа местного самоуправления. Причем на муниципальном уровне депутатский мандат имеет в своей основе императивный характер, он ориентирует депутата прежде всего на исполнение обязанностей во взаимоотношениях с избирателями. Статус же адвоката и возможности его реализации в принципиальном плане равны возможностям всех других членов адвокатского профессионального сообщества.

Наконец, третий аспект рассматриваемой проблемы, который имеет принципиальное значение, в том числе с точки зрения последовательной реализации требований оспариваемого Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации” в соответствии с выработанной в Постановлении № 29 — П правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, связан с установлением в законодательстве эффективных механизмов преодоления возможных конфликтов интересов, которые не исключены при совмещении статуса адвоката с осуществлением депутатских полномочий на непостоянной основе.

4.3. Несмотря на отсутствие в Постановлении от 18 июля 2019 года обращения Конституционного Суда Российской Федерации к законодателю, представляется очевидным, что содержащееся конституционно — правовое истолкование оспариваемого законоположения не только не исключает, но и предполагает необходимость совершенствования действующего регулирования. Такое совершенствование должно основываться (представляется важным еще раз это подчеркнуть) не на дискреции федерального законодателя, предполагающей возможность в том числе запрета на совмещение статусов адвоката и неосвобожденного депутата местного самоуправления, а на установлении эффективных механизмов недопущения, преодоления конфликтов интересов в процессе взаимодействия институтов адвокатуры и местного самоуправления. При этом особо следует подчеркнуть, что сами по себе потенциальные возможности конфликтов интересов не могут (и не должны) выступать основанием для введения абсолютного запрета совмещения соответствующих статусов. В противном случае в основу такого регулирования была бы положена некая презумпция противоправности, недобросовестности соответствующего лица — как адвоката и (или) как депутата, представителя населения муниципального образования.

4.4. При выработке законодательных подходов к решению соответствующих вопросов важно учитывать также международную и зарубежную практику, которая весьма разнообразна и связана с регламентацией как статуса адвоката, в особенности гарантий его независимости, так и условий (гарантий) деятельности депутата представительного органа местного самоуправления, определения видов (направлений) профессиональной деятельности, несовместимых с мандатом местного (муниципального) депутата. В качестве наиболее часто используемого подхода при регулировании совмещения адвокатской деятельности и деятельности в представительном органе местной власти в зарубежных странах предполагается необходимость исключения определенной категории дел, в которых подобное лицо не вправе участвовать как лицо юридической профессии.

При этом следует отметить, что уровень и отраслевая принадлежность актов, в которых подобные ограничения закрепляются, существенным образом разнятся: это могут быть, как и в Российской Федерации, законодательные акты об адвокатуре (например, Федеральный закон об адвокатуре Германии, Закон об адвокатуре и адвокатской деятельности Италии, Закон о статусе адвокатуры и Ордене адвокатов Бразилии), судебные законодательные акты (как то Судебный кодекс Королевства Бельгия) или избирательные законодательные акты, устанавливающие определенные условия и ограничения, касающиеся избрания в качестве депутатов лиц, имеющих статус адвоката (например, Избирательный кодекс Французской Республики). Заслуживает внимания также практика регламентации соответствующих вопросов в корпоративных актах адвокатского или депутатского сообщества (например, Устав Датской Коллегии адвокатов, Кодекс поведения членов Парламента Великобритании).

В связи с совершенствованием национального правового регулирования важно учитывать, что и законодательство об адвокатуре, кадрах судебных органов, и законодательство об организации местного самоуправления, равно как и о защите прав и свобод человека и гражданина, обеспечении законности и правопорядка относятся к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (пункты “б”, “л”, “н” части 1 статьи 72 Конституции Российской Федерации).

Поэтому возможно, в частности гарантийнообеспечительное, законодательное регулирование соответствующих вопросов не только на федеральном, но и на региональном уровнях. Более того, такого рода нормирование не исключается в определенной мере и на уровне муниципальных правовых актов, когда конкретное муниципальное образование (с учетом собственных нужд и интересов) может установить некоторые правила, относящиеся к дополнительному гаранти-

рованию, процедуре по предупреждению, разрешению на местном уровне возможных конфликтов интересов в связи с осуществлением адвокатом полномочий муниципального депутата на непостоянной основе, не прибегая при этом к помощи государственных юрисдикционных органов.

При этом, однако, следует неукоснительно исходить из положения части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации, закрепляющего возможность ограничения конституционных прав и свобод исключительно на основе федерального закона; имеется в виду как установление возможных ограничений прав в отношении лиц, совмещающих статус адвоката с исполнением обязанностей муниципального депутата на непостоянной основе, так и недопустимость ограничения прав иных лиц; как тех, кто выступает, например, доверителями адвоката, так и населения муниципального образования, интересы которого представляет избранное от них в качестве депутата лицо, обладающее статусом адвоката, т.е. прав, гарантированных статьями 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2), 32 (части 1 и 2), 37 (часть 1), 45 (часть 1), 48 (часть 1) Конституции Российской Федерации. Данное конституционное положение (статья 55, часть 3) в полной мере соотносится и с международно — правовыми нормами, в частности с требованиями Всемирной декларации местного самоуправления (принята 31-м Всемирным конгрессом Международного союза местных властей (IULA) 13–17 июня 1993 года), где прямо указано, что “какие — либо функции и виды деятельности, которые полагаются несовместимыми с исполнением местной выборной должности, должны определяться только законом” (статья 6, пункт 3).

5. Таким образом, соглашаясь в принципиальном плане с тем, что на осуществление полномочий муниципального депутата на непостоянной основе не должно распространяться положение абзаца первого пункта 1 статьи 2 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации” и, соответственно, не предполагается запрет совмещать адвокатскую деятельность с осуществлением полномочий депутата представительного органа муниципального образования на непостоянной основе, следует, как представляется, исходить из того, что такое правовое регулирование находится не в сфере дискреции законодателя (имея в виду в том числе и возможность квалифицированного умолчания), а оно непосредственно вытекает из конституционной природы и конституционно — правовых основ взаимоотношений адвокатского профессионального сообщества и местного самоуправления как институтов гражданского общества.

Одновременно требованиями Конституции Российской Федерации напрямую предопределяется обязанность законодателя создать на основе принципов равенства, справедливости и соразмерности

надлежащий механизм разрешения возможных конфликтов интересов при занятии адвокатом должности депутата представительного органа местного самоуправления на непостоянной основе, обеспечивая при этом баланс конституционных ценностей, связанных с гарантированием независимости и особой публично — правовой функции адвокатуры, самостоятельности и конституционной важности осуществляемой адвокатом юридической помощи и одновременно – защиты представляемых избранным муниципальным депутатом лицом, обладающим статусом адвоката, прав местного самоуправления, включая права населения муниципального образования. В этом плане главная задача законодателя, вытекающая из Конституции Российской Федерации, — не устанавливать запреты, ограничения, а выработать эффективные механизмы взаимодействия адвокатуры и местного самоуправления, преодолевать возможные конфликты интересов при совмещении статуса адвоката с исполнением полномочий муниципального депутата на неосвобожденной основе.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

По представлению Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан “Об определении соответствия проекта изменений и дополнений, вносимых в Конституцию Республики Таджикистан, Конституции Республики Таджикистан”

4 февраля 2016 года

город Душанбе

Конституционный суд Республики Таджикистан в составе председательствующего — Председателя Конституционного суда Махмудзода М.А., заместителя Председателя Каримзода К.М., судьи — секретаря Хошимзода Д.Д., судей: Абдуллозода Л.И., Гулзор М.М. и Зоирзода Ш.Ю.

с участием секретаря судебного заседания Ганиева Дж. Р., Азимзода Т.С. — депутата Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан — представителя стороны, по представлению которой возбуждено конституционное судопроизводство,

Рахими Ф. — представителя Маджлиси милли Маджлиси Оли Республики Таджикистан в Конституционном суде Республики Таджикистан,

на основании статьи 89 Конституции Республики Таджикистан, статей 34 и 40 конституционного Закона Республики Таджикистан “О Конституционном суде Республики Таджикистан”, рассмотрев в открытом судебном заседании дело по представлению Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан “Об определении соответствия проекта изменений и дополнений, вносимых в Конституцию Республики Таджикистан, Конституции Республики Таджикистан”, заслушав доклад заместителя Председателя Конституционного суда Каримзода К.М., вывод стороны и выступления приглашенного, исследовав материалы дела и другие поступившие документы,

УСТАНОВИЛ:

Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан, обратившийся с представлением в Конституционный суд Республики Таджикистан, отмечает в нем, что проект изменений и дополнений в Конституцию Республики Таджикистан представлен членами Маджлиси милли и депутатами Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан в соответствии с требованиями статей 58 и 99 Конституции Республики Таджикистан, а также

статей 9 и 10 конституционного Закона Республики Таджикистан “О референдуме Республики Таджикистан”.

Изменения и дополнения, предложенные в Конституцию, отражают расширение и укрепление демократических процессов в стране, развитие таджикского общества и повышение его экономического и социального положения, основной целью которых является создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие каждого человека.

По мнению обратившегося, необходимость внесения изменений и дополнений в Конституцию также связана с конкретизацией ее норм, в частности формы правления Республики Таджикистан, вопросов, касающихся гражданства, деятельности общественных объединений, ответственности родителей, избрания и назначения членов Маджлиси милли и депутатов Маджлиси намояндагон, толкования Конституции, полномочий Президента Республики Таджикистан, ответственности членов Правительства и судей. Они направлены на дальнейшее укрепление основ конституционного строя Республики Таджикистан, в частности, на совершенствование защиты прав и свобод человека и гражданина.

Проект изменений и дополнений в Конституцию Республики Таджикистан предложен в следующем содержании:

1. Из названия и текста Конституции Республики Таджикистан на таджикском языке исключить слово “(Сарқонуни)”

2. В статье 1

— дополнить частью второй следующего содержания:

“Форма правления Республики Таджикистан является президентской.”;

— части вторую и третью соответственно считать частями третьей и четвёртой.

3. Часть первую статьи 5 текста на таджикском языке изложить в следующей редакции: “Инсон, ӯқуқ ва озодиҳои ӯ арзиши олии мебошанд.”.

4. В части четвёртой статьи 7 текста на таджикском языке слова “марзиви маъмуриро” заменить словами “маъмурию ӯдудиро”.

5. В статье 8:

— в части четвёртой слово “организации” заменить словом “объединения”;

— дополнить частью шестой следующего содержания:

“В Таджикистане запрещается деятельность политических партий других государств, создание партий национального и религиозного характера, а также финансирование политических партий зарубежными государствами и организациями, иностранными юридическими лицами и гражданами.”

6. В статье 14:

— в части второй слова “местной властей, органов местного самоуправления” заменить словами “местных органов государственной власти и самоуправления”;

— в части третьей слова “прав и свобод граждан” и “конституционного строя” соответственно заменить словами “прав и свобод человека и гражданина” и “основ конституционного строя, безопасности государства, обороны страны, общественной морали, здоровья населения”.

7. В статье 15:

— часть первую изложить в следующей редакции:

“Гражданином Республики Таджикистан считается лицо, которое на день принятия Конституции являлось гражданином Республики Таджикистан или в соответствии с законодательством Республики Таджикистан или международными договорами Таджикистана приобрело гражданство Республики Таджикистан.”;

— в части второй слово “и” заменить словом “или”;

— часть третью изложить в следующей редакции:

“Порядок приобретения и прекращения гражданства Республики Таджикистан регулируется конституционным законом.”

8. В части второй статьи 16 слово “провозглашенными” заменить словом “установленными”.

9. В части первой статьи 18 текста на таджикском языке слова “њаќќи зиндагӣ” заменить словами “њуќуќ ба њаёт”.

10. В части второй статьи 20 текста на таджикском языке слово “љиноӣ” заменить словом “љиноятӣ”.

11. В части четвертой статьи 27 слово “Лица” заменить словом “Граждане”.

12. Второе предложение части первой статьи 28 изложить в следующей редакции: “Гражданин вправе участвовать в создании политических партий, профессиональных союзов и других общественных объединений, добровольно входить в них и выходить из них.”.

13. Часть третья статьи 32 после слов “политических партий” дополнить знаком “;” и словами “других юридических”.

14. Часть вторую статьи 34 изложить в следующей редакции:

“Родители ответственны за воспитание и обучение детей, а совершеннолетние и трудоспособные дети ответственны за уход и социальное обеспечение своих родителей.”.

15. В статье 37 текста на таджикском языке слово “пулӣ” заменить словом “пардохтшаванда”.

16. В части первой статьи 38 текста на таджикском языке слово “туризм” заменить словом “сайёнь”.

17. В статье 40:

— в части первой текста на таджикском языке слово “љамбият” заменить словом “љомеа”;

— в части третьей текста на таджикском языке слово “дар” заменить словом “таъти”.

18. В части первой статьи 45 слова “обязанностью каждого” заменить словом “обязательной”.

19. В статье 49:

— третье предложение части первой изложить в следующей редакции: “Депутатом Маджлиси намояндагон может быть избрано лицо не моложе 30 лет, имеющее только гражданство Республики Таджикистан, и высшее образование.”;

— часть пятую изложить в следующей редакции:

“Членом Маджлиси милли может быть избрано лицо не моложе 30 лет, имеющее только гражданство Республики Таджикистан, и высшее образование.”;

— дополнить частью седьмой следующего содержания:

“Член Маджлиси милли и депутат Маджлиси намояндагон после избрания или назначения на заседании Маджлиси милли и Маджлиси намояндагон приносят присягу народу Таджикистана.”;

- часть седьмую считать частью восьмой и изложить в следующей редакции:

“Число членов Маджлиси милли и депутатов Маджлиси намояндагон, порядок их избрания или назначения определяются конституционным законом.”.

20. Часть третью статьи 51 после слов “прекращения гражданства” дополнить словами “приобретения гражданства другого государства,” а в тексте на таджикском языке слова “ба кувваи конуні даромадани ӯкми айбдоркунии суд” заменить словами “эътибори конуні пайдо кардани ӯкми айбдоркунандаи суд.”.

21. В пункте 1 части первой статьи 56 текста на таджикском языке слова “марзиву маъмури” заменить словами “маъмурию ӯдуді”.

22. В статье 61:

— в части второй слова “двух третей” заменить словами “трёх четвертей”;

— часть третью изложить в следующей редакции:

“Толкование Конституции в указанном порядке принимается Маджлиси намояндагон и одобряется Маджлиси милли в форме конституционного закона.”.

23. В части второй статьи 64 текста на таджикском языке слово “карордодноӣ” заменить словом “шартномаӣ”.

24. В статье 65:

— часть вторую изложить в следующей редакции:

“Кандидатом на пост Президента Республики Таджикистан может быть выдвинуто лицо не моложе 30 лет, имеющее только гражданство Республики Таджикистан, высшее образование, владеющее государственным языком и проживающее на территории республики не менее последних 10 лет.”;

— дополнить частью пятой следующего содержания:

“Ограничение, предусмотренное в части четвёртой данной статьи, не распространяется на Основателя мира и национального единства — Лидера нации. Правовой статус и полномочия Основателя мира и национального единства — Лидера нации определяются конституционным законом.”.

25. В статье 69:

— в пункте 7 текста на таджикском языке слова “ба тасдиқи” заменить словами “барои тасдиқ ба”;

— пункт 12 исключить;

— в пункте 13 слова “По представлению Совета юстиции” исключить;

— в пункте 18 текста на таджикском языке слово “қарордодноӣ” заменить словом “шартномаҳои”;

— пункты 13 — 30 соответственно считать пунктами 12 — 29.

26. Статью 71 дополнить частью пятой следующего содержания:

“Социальное обеспечение, обслуживание и охрану Президента Республики Таджикистан регулирует конституционный закон.”.

27. В статье 73:

— часть третью изложить в следующей редакции:

“Члены Правительства после назначения Президентом Республики Таджикистан и утверждения указа на совместном заседании Маджлиси милли и Маджлиси намояндагон приносят присягу Президенту Республики Таджикистан.”;

— часть третью считать частью четвёртой, и после слов “Члены Правительства” дополнить словами “должны иметь только гражданство Республики Таджикистан и они”.

28. В части первой статьи 74 текста на таджикском языке слово “қаламрави” заменить словом “њуудуи”.

29. Название главы шестой изложить в следующей редакции:
«МЕСТНЫЕ ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И САМОУПРАВЛЕНИЯ».

30. В статье 76 слова “Местная власть состоит” заменить словами “Местные органы государственной власти состоят”.

31. В статье 78:

— часть первую изложить в следующей редакции:

“Местным исполнительным органом государственной власти руководит председатель области, города и района.”;

— в части второй текста на таджикском языке слово “марзи” заменить словом “њудуді”;

— в части пятой слова “органов местной власти” заменить словами “местных органов государственной власти”;

— в части шестой слово “джамоат” заменить словом “Джамоат”.

32. В части первой статьи 79 текста на таджикском языке слово “каламрав” заменить словом “њудуд”.

33. В статье 84:

— в части третьей слова “Организацию и порядок” заменить словами “Порядок создания, организации и”;

— в части пятой текста на таджикском языке слово “Ташкили” заменить словом “Таъсиси”.

34. Статью 85 изложить в следующей редакции:

“Статья 85. На должность судей Верховного Суда, Высшего экономического суда, судов Горно — Бадахшанской автономной области, областей и города Душанбе избирается или назначается лицо не моложе 30 лет, имеющее только гражданство Республики Таджикистан, высшее юридическое образование и стаж работы в качестве судьи не менее 5 лет.

На должность судей городских и районных судов, военного суда, экономических судов Горно — Бадахшанской автономной области, областей и города Душанбе назначается лицо не моложе 25 лет, имеющее только гражданство Республики Таджикистан, высшее юридическое образование и профессиональный стаж работы не менее 3 лет. Предельный возраст деятельности в должности судьи устанавливается конституционным законом.

Лицо, впервые назначенное на должность судьи, в торжественной обстановке приносит присягу.“

35. В статье 86 слова “по представлению Совета юстиции” заменить словами “в порядке, установленном конституционным законом”.

36. В статье 89:

— часть вторую изложить в следующей редакции:

“На должность судьи Конституционного суда избирается лицо не моложе 30 лет, имеющее только гражданство Республики Таджикистан, высшее юридическое образование и профессиональный стаж работы не менее 7 лет. Предельный возраст деятельности в должности судьи Конституционного суда устанавливается конституционным законом.”;

— дополнить частью третьей следующего содержания:

“Лицо, впервые избранное на должность судьи Конституционного суда, приносит присягу на сессии Маджлиси милли.”;

— часть третью считать частью четвёртой, в пункте 1) слова “правовых” заменить словами “нормативных правовых”, а в тексте на

таджикском языке слово “қарордодњои” заменить словом “шартномањои”;

— часть четвертую считать частью пятой.

37. В статье 91 текста на таджикском языке слово “љиної” заменить словом “љиноятї”.

38. В статье 93 текста на таджикском языке слово “қаламрави” заменить словом “њудуди”.

39. В тексте Конституции Республики Таджикистан на таджикском языке слово “њақ” заменить словом “њуқуқ”.

40. В ПЕРЕХОДНЫХ ПОЛОЖЕНИЯХ:

— часть 4 изложить в следующей редакции:

“4. Члены Маджлиси милли, депутаты Маджлиси намояндагон и члены Правительства после вступления в силу “Изменений и дополнений в Конституцию Республики Таджикистан” в установленном Конституцией и конституционными законами порядке приносят присягу.”

Исходя из вышеизложенного, Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан, представляя проект изменений и дополнений, вносимых в Конституцию Республики Таджикистан, в Конституционный суд Республики Таджикистан, просит Конституционный суд определить соответствие проекта изменений и дополнений, вносимых в Конституцию Республики Таджикистан, Конституции Республики Таджикистан.

Конституционный суд Республики Таджикистан, всесторонне рассмотрев представление Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан, отмечает, что Конституция Республики Таджикистан, принятая 6 ноября 1994 года посредством всенародного референдума, и в которую 1999 и 2003 годах были внесены изменения и дополнения, как политический документ и акт, имеющий высшую юридическую силу, воплощает в себе важнейшие фундаментальные ценности мирового сообщества направленные на защиту прав и интересов личности, общества и государства и определяет особенность государства Таджикистан, как суверенного, демократического, правового, светского и унитарного государства.

Конституция, признавая человека, его права и свободы высшей ценностью, неприкосновенными, и на этой основе народ — носителем суверенитета и единственным источником государственной власти, и для дальнейшего развития и укрепления новейшей государственности, признает народ ответственным и обязанным перед прошлым, настоящим и будущими поколениями.

Конституция, отражая наивысшие интересы нации и независимого государства Таджикистана, определяет неизменяемость республиканской формы правления, территориальной целостности, демократическую,

правовую, светскую и социальную сущность государства, как основное условие и устойчивость государства и нации. Этот нормативный правовой акт создал необходимые организационно—правовые условия для политической и экономической независимости, осуществления миролюбивой политики, повышения авторитета таджикского государства и нации в международных отношениях и обеспечения политической и социальной стабильности таджикского общества.

Конституция, создавая широкие возможности для развития общественной жизни на основе политического и идеологического плюрализма, а также деятельности политических партий, общественных объединений и других институтов гражданского общества, гарантирует права и свободы человека и гражданина для участия в жизни этих демократических институтов.

Изменения и дополнения, вносимые в Конституцию, соответствуют нынешнему этапу развития государства и общества, и направлены на укрепление основ конституционного строя, гарантий защиты прав и свобод человека и гражданина, укрепление конституционного статуса гражданства, законодательной, исполнительной и судебной власти, развития органов местного самоуправления, активного вовлечения граждан, в первую очередь молодежи, в политическую жизнь и управление государством. Они, укрепляя защиту прав и свобод человека и гражданина, которые определяют цели и содержание деятельности органов государственной власти и местного самоуправления и обеспечиваются судебной властью, в целом содействуют укреплению государственной безопасности, обороны страны, общественной морали, здоровья населения, а также верховенству закона и правопорядка.

Принимая во внимание конституционную норму о признании семьи основой общества, изменения и дополнения повышают ответственность родителей за воспитание и обучение детей, а также ответственность совершеннолетних трудоспособных детей за уход и социальное обеспечение своих родителей, целью которой является создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие каждого человека.

Этими изменениями и дополнениями также вносится ясность в порядок дачи официального толкования Конституции, имеющий важное значение в нормотворческой деятельности государства.

Представленные изменения и дополнения в целом, совершенствуя высшие ценности Конституции, создадут благоприятные правовые условия для дальнейшего развития общественных отношений и являются логической последовательностью действующих норм Конституции.

С учетом вышеизложенного Конституционный суд Республики Таджикистан пришел к выводу, что предложенные изменения и дополнения в Конституцию отражают дальнейший процесс демократизации политической и социальной жизни таджикского общества, укрепления правовой защиты человека, и являются продолжением политико — социальной, правовой и судебной реформы в стране. Они направлены на совершенствование норм Конституции, и соответствуют мировой практике внесения изменений и дополнений в конституцию, а также ценностям и основным принципам Конституции Республики Таджикистан.

Исходя из этого, Конституционный суд Республики Таджикистан, проект изменений и дополнений, вносимых в название и текст, статьи 1, 5, 7, 8, 14, 15, 16, 18, 20, 27, 28, 32, 34, 37, 38, 40, 45, 49, 51, 56, 61, 64, 65, 69, 71, 73, 74, название главы шестой, статьи 76, 78, 79, 84, 85, 86, 89, 91, 93 и переходные положения Конституции Республики Таджикистан признает соответствующим Конституции Республики Таджикистан.

В соответствии со статьей 89 Конституции Республики Таджикистан, статьями 6, 11, 34, 38, 40, 49, 55, 56, 58, 60, и 61 конституционного Закона Республики Таджикистан “О Конституционном суде Республики Таджикистан” Конституционный суд Республики Таджикистан,

ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Проект изменений и дополнений, вносимых в название и текст, статьи 1, 5, 7, 8, 14, 15, 16, 18, 20, 27, 28, 32, 34, 37, 38, 40, 45, 49, 51, 56, 61, 64, 65, 69, 71, 73, 74, название главы шестой, статьи 76, 78, 79, 84, 85, 86, 89, 91, 93 и переходные положения Конституции Республики Таджикистан соответствует Конституции Республики Таджикистан.

2. Постановление окончательное, обжалованию не подлежит, вступает в силу с момента его принятия.

3. Настоящее постановление подлежит опубликованию в “Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан”, в газетах “Джумхурият”, “Садои мардум”, “Народная газета” и в Вестнике Конституционного суда Республики Таджикистан.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

О внесении в Законодательную палату Олий Мажлиса Республики Узбекистан проекта Закона Республики Узбекистан “О внесении изменения и дополнений в статью 15 Гражданского Кодекса Республики Узбекистан”

18 октября 2019 года

город Ташкент

Конституционный Суд Республики Узбекистан в составе Председателя Б. Мирбабаева, судей А. Гафурова, Ф. Каюмова, С. Кошаевой, Б. Миралимова, Г. Пиржанова и К. Улжаева, руководствуясь статьей 83 Конституции Республики Узбекистан и статьей 14 Конституционного закона “О Конституционном суде Республики Узбекистан”, рассмотрел в открытом заседании дело “О внесении изменения и дополнений в статью 15 Гражданского кодекса Республики Узбекистан”.

Вопрос внесен в соответствии со статьей 25 Конституционного закона Республики Узбекистан “О Конституционном Суде Республики Узбекистан” по инициативе судей А. Гафурова, Г. Пиржанова и С. Кошаевой в связи с обращением в Конституционный Суд Министерства юстиции Республики Узбекистан.

Заслушав сообщение судьи — докладчика С. Кошаевой и изучив имеющиеся по делу материалы, Конституционный Суд

УСТАНОВИЛ:

В Конституционный Суд обратилось Министерство юстиции, которое просило в соответствии со статьей 83 Конституции Республики Узбекистан в порядке законодательной инициативы внести в Законодательную палату Олий Мажлиса Республики Узбекистан проект закона “О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан”, подготовленный Министерством юстиции на основании пункта 9 Плана мероприятий по реализации Концепции совершенствования нормотворческой деятельности, утвержденного Указом Президента Республики Узбекистан от 8 августа 2018 года № УП—5505.

В статье 15 Гражданского кодекса Республики Узбекистан определено, что убытки, причиненные гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов самоуправления граждан или должностных лиц этих органов, в том числе издания не соответствующего законодательству

акта государственного органа или органов самоуправления граждан, подлежат возмещению государством или органом самоуправления граждан.

Однако, в этой статье, а также в других актах гражданского законодательства не определены конкретные источники возмещения такого убытка.

Следовательно, для внедрения в законодательные акты норм прямого действия, уточнения норм, которые могут быть поняты по-разному или требуют дальнейшего уточнения при их применении на практике, в частности, при признании в установленном порядке недействительными актов государственного органа или органов самоуправления граждан в целях усиления защиты прав граждан и юридических лиц, повышения ответственности государственных органов и органов самоуправления граждан по обеспечению законности принимаемых ими актов необходимо четко определить источники возмещения убытка гражданам и юридическим лицам (Государственный бюджет Республики Узбекистан, внебюджетные средства государственного органа или средства органов самоуправления граждан) и внести соответствующие изменения и дополнения в статью 15 Гражданского кодекса.

Исходя из этого проект закона был доработан Конституционным Судом.

На основании вышеизложенного и руководствуясь статьями 14, 31, 32, 33 Конституционного закона “О Конституционном Суде Республики Узбекистан”, статьями 5, 26 Закона “О порядке подготовки проектов законов и их внесения в Законодательную палату Олий Мажлиса Республики Узбекистан”, Конституционный Суд

РЕШИЛ:

1. В целях конкретизации источника возмещения убытка, причиненного гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов самоуправления граждан или должностных лиц этих органов, в том числе издания не соответствующего законодательству акта государственного органа или органа самоуправления граждан, внести в Законодательную палату Олий Мажлиса в порядке законодательной инициативы проект закона “О внесении изменения и дополнений в статью 15 Гражданского кодекса Республики Узбекистан” (прилагается).

2. Назначить судью Конституционного Суда С. Кошаеву своим представителем для участия при рассмотрении данного проекта закона в Законодательной палате Олий Мажлиса.

3. Опубликовать настоящее решение в газетах “Халқ сўзи”, “Народное слово” и других официальных источниках опубликования решений Конституционного суда, предусмотренных в статье 33 Конституционного закона “О Конституционном Суде Республики Узбекистан”.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

О внесении в Законодательную палату Олий Мажлиса Республики Узбекистан проекта закона Республики Узбекистан “О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный Кодекс Республики Узбекистан, экономический процессуальный Кодекс Республики Узбекистан и Кодекс Республики Узбекистан об административном судопроизводстве”

14 ноября 2018 года

город Ташкент

Конституционный Суд Республики Узбекистан в составе председателя Б. Мирбабаева, судей А. Гафурова, С. Кошаевой, Б. Миралимова, Г. Пиржанова, К. Улжаева и Ф. Каюмова, руководствуясь статьей 83 Конституции Республики Узбекистан и статьей 14 Конституционного закона “О Конституционном Суде Республики Узбекистан”, рассмотрел в открытом заседании дело “О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс Республики Узбекистан, Экономический процессуальный кодекс Республики Узбекистан и Кодекс Республики Узбекистан об административном судопроизводстве”.

Вопрос внесен в соответствии со статьей 25 Конституционного закона Республики Узбекистан “О Конституционном суде Республики Узбекистан” по инициативе судей А. Гафурова, С. Кошаевой и Б. Миралимова в связи с обращением в Конституционный Суд гражданина С. Якубжанова.

Заслушав сообщение судьи — докладчика С. Кошаевой и изучив имеющиеся по делу материалы, Конституционный Суд

УСТАНОВИЛ:

В обращении в Конституционный Суд гражданин С. Якубжанов просит дать толкование части второй и части четвертой статьи 143 Кодекса Республики Узбекистан об административном судопроизводстве в части осуществления аудиозаписи (звукозаписи), как осуществляется аудиозапись (звукозапись): с разрешения суда или это право присутствующего лица в судебном заседании.

В ходе изучения данного обращения было установлено, что часть вторая статьи 143 Кодекса об административном судопроизводстве определяет, что при разбирательстве дела в заседании суда “по инициативе суда или по ходатайству участников административного судопроизводства может проводиться аудио— или видеозапись судебного заседания”.

В части четвертой этой же статьи Кодекса определено, что “присутствующие в зале заседания имеют право делать письменные заметки, вести стенограмму и звукозапись. Фотосъемка, видеозапись, а также трансляция судебного заседания по радио и телевидению допускаются с разрешения суда, рассматривающего дело”.

В данной статье употребляется два термина — “аудиозапись” и “звукозапись”, означающие одно понятие, что не соответствует статье 21 Закона Республики Узбекистан “О порядке подготовки проектов законов и их внесения в Законодательную палату Олий Мажлиса Республики Узбекистан”.

Аналогичный порядок в части проведения звукозаписи в судебном разбирательстве установлен также и в частях второй и четвертой статьи 165 Экономического процессуального кодекса Республики Узбекистан.

Нормы части второй статьи 143 Кодекса об административном судопроизводстве, а также части второй статьи 165 Экономического процессуального кодекса ущемляют права участников судопроизводства и не соответствует Конституции Республики Узбекистан. Это проявляется в том, что если ходатайство участника судопроизводства не будет удовлетворено судом, то он не вправе осуществлять звукозапись, тогда как любой присутствующий в судебном заседании может осуществлять звукозапись без разрешения суда.

Так, в силу статьи 113 Конституции “Разбирательство дел во всех судах открытое. Слушание дел в закрытом заседании допускается лишь в случаях, установленных законом”. Из содержания этой статьи Конституции вытекает вывод о том, что правосудие по административным, экономическим и другим делам должно осуществляться в основном согласно принципа гласности судебного разбирательства.

Однако из содержания части второй статьи 143 Кодекса об административном судопроизводстве и части второй статьи 165 Экономического процессуального кодекса Республики Узбекистан следует, что суд обсудив ходатайство участников судопроизводства может разрешить или не разрешить проводить звукозапись. Тогда как в соответствии с частью четвертой статьи 143 Кодекса об административном судопроизводстве и частью четвертой статьи 165 Экономического процессуального кодекса Республики Узбекистан присутствующие в зале заседания имеют право вести звукозапись без разрешения суда.

Таким образом, вопреки принципу гласности судебного разбирательства ограничивается право участников судопроизводства, определив их возможность звукозаписи лишь по разрешению суда, а другие лица, присутствующие в судебном разбирательстве, наделяются правом на осуществление звукозаписи без разрешения суда.

Кроме того, нормы указанных кодексов в части звукозаписи в ходе судебного разбирательства отличаются от норм Гражданского

процессуального кодекса. Так, в соответствии с частью четвертой и шестой статьи 208 Гражданского процессуального кодекса звукозапись может проводиться по ходатайству участника судебного процесса и допускается с согласия сторон и разрешения председательствующего в судебном заседании.

Исходя из вышеизложенного и руководствуясь статьями 14, 31, 32, 33 Конституционного закона Республики Узбекистан “О Конституционном Суде Республики Узбекистан”, статьями 5, 26 Закона Республики Узбекистан “О порядке подготовки проектов законов и их внесения в Законодательную палату Олий Мажлиса Республики Узбекистан”, Конституционный Суд

Р Е Ш И Л:

1. Внести в Законодательную палату Олий Мажлиса Республики Узбекистан в порядке законодательной инициативы проект закона Республики Узбекистан “О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс Республики Узбекистан, Экономический процессуальный кодекс Республики Узбекистан и Кодекс Республики Узбекистан об административном судопроизводстве”, предусматривающий единообразное определение порядка осуществления звукозаписи в судебном заседании во всех трех указанных кодексах, а также устранение ущемления права участника судебного заседания проводить звукозапись (прилагается).

2. Назначить судью Конституционного Суда Республики Узбекистан С. Кошаеву своим представителем для участия при рассмотрении данного проекта закона в Законодательной палате Олий Мажлиса Республики Узбекистан.

3. Опубликовать настоящее решение в газетах “Халқ сўзи”, “Народное слово” и других официальных источниках опубликования решений Конституционного Суда, предусмотренных в статье 33 Конституционного закона “О Конституционном Суде Республики Узбекистан”.

**Конституционное
П Р А В О С У Д И Е**

Вестник
Евразийской ассоциации органов
конституционного контроля

Выпуск 2 (80)

Адрес редакции:
010000, г. Нур-Султан, ул. Дінмұхамет Қонаев, здание 39
Тел.: 74-76-52, факс: 74-76-51
e-mail: okr@ksrk.gov.kz
www.ksrk.gov.kz